

АБСОЛЮТНОЕ
ОРУЖИЕ

АЛЕКСЕЙ КАЛУГИН

МИР-НА-ОСН

Алексей Калугин

Мир-на-Оси

«ЭКСМО»

2012

Калугин А. А.

Мир-на-Оси / А. А. Калугин — «Эксмо», 2012

В одно злополучное утро на Лысой горе прямо на территории Центральной Академии появился... появилось... короче говоря, теперь там было то, чему быть совершенно не надлежало. А если бы про это еще узнали Бургомистр Централя и Городской Совет, то потери репутации, падения лицом в грязь и просто скандала было бы точно не избежать. Господину Бей-Брынчалову, Ректору Академии, все это было уж очень неприятно и не с руки, поэтому на Лысой горе парой часов спустя уже отсвечивал малиновым пиджаком и отблескивал набалдашником трости сам великий и неподражаемый Гиньоль Гиньоль – специалист по разрешению проблем любой сложности. Только ему под силу было выяснить, как этот... это туда попало, найти способ вернуть его туда, откуда оно пропало, и объяснить общественности города, какое ко всему этому имеют отношение... ну допустим, инопланетяне. И началось!

© Калугин А. А., 2012

© Эксмо, 2012

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	16
Глава 4	21
Глава 5	32
Глава 6	37
Глава 7	44
Глава 8	50
Глава 9	59
Глава 10	63
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Алексей Калугин

Мир-на-Оси

Если бы я знал, что такое электричество...

БГ

Глава 1

– Если бы меня попросили подобрать образ, дающий зримое представление о том, как устроен наш мир, я бы предложил чашку Петри. – Седовласый профессор в темно-малиновой с золотой окантовкой мантии, местами побитой молью и кое-где заляпанной пятнами оранжевого плесневого грибка, оперся кулаками о край покрытой зеленой фланелью кафедры и суровым взглядом из-под кустистых бровей окинул аудиторию. – Надеюсь, никому не нужно объяснять, что такое чашка Петри?

Студенты в бледно-желтых, будто вылинявших или выгоревших на ярком свете мантиях замотали головами и зашуршали бумагами в знак протеста. Хотя, что именно означал их протест, оставалось непонятным. Возможно, им не понравилось то, что профессор поставил под сомнение их знания. Хотя с той же вероятностью можно было предположить, что студенты недовольны тем, что лектор не желает говорить все как есть, а прячется за коварными риторическими вопросами. Между тем как они только месяц назад приступили к изучению риторики.

Гиньолю здорово повезло. Рядом с ним сидел тщедушного вида студентик в потрепанной мантии, явно не сшитой на заказ, а доставшейся в наследство от старших родственников или купленной на барахолке за пару триков. Стрижен студентик был под полубокс, а левую щеку его, обращенную к Гиньолю, украшали три параллельные царапины. Как будто кошка когтями провела. Студентик слушал лектора, чуть приоткрыв рот и высунув кончик языка. Взгляд его был восторженный и немного безумный. Одним словом, типичный «ботаник», знающий абсолютно все, что требуется знать. И ничего более. Если в компании заходил разговор о загадке мироздания, он полагал, что речь идет о женщинах. И – наоборот.

– Эй! – Гиньолю коснулся локтя «ботаника» серебряной рукояткой трости. – Кто такой Петри?

Студентик испуганно отшатнулся и уставился на Гиньоля с таким видом, будто тот предложил ему публично отречься от теории Дарвина.

Конечно, Гиньолю несколько выделялся из общей студенческой массы. Вместо нелепой мантии на нем был модный двубортный костюм-тройка из темно-малинового велюра с маленьким золотым значком в виде стилизованной Временной Петли на левом лацкане. На столе перед ним лежали не учебники и тетрадки, а широкополая шляпа в цвет костюма, с высокой тульей и черной ленточкой. Темно-русые прямые волосы, которые Гиньолю с показной небрежностью зачесывал назад, дабы не скрывали могучего лба мыслителя, едва не касались воротника. Ну а черты лица лишь подчеркивали его незаурядный ум, утонченный вкус и почти что демоническое очарование. Из обуви Гиньолю отдавал предпочтение остроносим кожаным туфлям без шнурков. Штрихом, завершающим образ, являлась изящная трость из черного дерева с острым металлическим набалдашником и серебряной рукояткой в форме головы дракона. Мало кому было известно, что внутри трости пряталось острое, как бритва, лезвие. А все потому, что Гиньолю предпочитал демонстрировать остроту ума, а не острие шпаги. Хотя фехтовальщик он был отменный.

– Петри? – дрожащим шепотом произнес студентик.

– Он самый, – обворожительно улыбнулся Гиньолю. И на всякий случай еще раз повторил: – Кто такой Петри?

Почему Гиньолю интересовал этот вопрос? Скорее всего, вышеупомянутый Петри не имел никакого отношения к проблеме, из-за которой Гиньолю оказался в стенах Центральной Академии. Но раз уж так случилось, что он оказался на лекции одного из признанных авторитетов в области космогонии, глупо было бы не воспользоваться ситуацией и не залатать некоторые прорехи в столь необходимой всем и каждому системе философских знаний о том, как

устроен мир, откуда что берется и, главное, куда все потом пропадает? Тем более что никто этого точно не знал.

Студентик нервно сглотнул, полуприкрыл глаза и почесал, как на экзамене:

– Юлиус Рихард Петри, бактериолог из Фуберталья. В Национальном военном госпитале дослужился до чина майора. Ныне руководит одной из крупнейших бактериологических лабораторий. Одновременно состоит в чине регистрирунгсрата. Является автором восьми научных работ, выпущенных в период с семьдесят шестого по восемьдесят седьмой год. Две из них – в соавторстве с Григорием Кирилловичем Бей-Брынчаловым.

– Все? – несколько разочарованно спросил Гиньоль.

В самом деле, при чем тут бактериолог, если речь идет о мироздании?

– Все, – судорожно дернул подбородком студентик.

– А чашка тут при чем?

– Чашка Петри?

– Ну да. Лектор ведь сказал «чашка Петри». Я не ослышался?

– Чашка Петри – это лабораторный сосуд. Имеет форму невысокого цилиндра, закрываемого сверху крышкой такой же формы. Широко используется в микробиологии.

– Да ты что? – озадаченно протянул Гиньоль, после чего обратил все свое внимание на лектора.

– Вот наш мир! – резко взмахнув рукой, профессор мелом провел на доске не очень ровную горизонтальную линию. – Плоскость, не имеющая объема. В том смысле, что мы можем сколь угодно глубоко вбуравливаться в землю и все равно не проткнем эту плоскость насквозь, – профессор направил в сторону аудитории зажатый в руке мел. – Почему?

– Потому что в девятом измерении это невозможно! – восторженно-истерично выкрикнул сидевший рядом с Гиньолем «ботаник».

Похоже, он зря боялся, что кто-то его опередит. Прочие слушатели лишь недоуменно покосились в его сторону.

– Верно! – радостно стукнул по кафедре профессор. Он забыл, что в руке у него был мел, и расколол его на несколько кусков. Выбрав тот, что побольше, он вновь повернулся к доске и нарисовал над горизонтальной линией нечто вроде округлого купола. – Надеюсь, вы понимаете, что я изобразил не небесный свод?

Заполнившие аудиторию недоросли в мантиях дружно замотали головами. Хотя на самом деле большинство из них именно так и подумали.

– Конечно, – расплылся в довольной улыбке старичок лектор. – Нам всем прекрасно известно, что это Пространственный Купол, стабилизирующий систему земля – небо. В целом похоже на чашку Петри. Купол накрывает земную твердь, не герметизируя мир, но в то же время и не позволяя составляющим его элементам распыляться в окружающем пространстве. Третьей важнейшей структурой мироздания является так называемая Центральная Ось, – короткая вертикальная линия рассекла рисунок на доске надвое. – На самом деле это участок гигантской суперструны. Одной из многих, определяющих пространственную структуру Вселенной. И, должен сказать, нам очень повезло в том, что наш мир расположен в центре суперструны, а не на ее мембране. В противном случае это был бы двух-, трех-, в крайнем случае четырехмерный мир. – Профессор облокотился на кафедру и протянул руку с открытой ладонью в сторону аудитории. На лице его появилась насмешливая ухмылка. – Вы только представьте себе, что такое трехмерный мир, – по залу прошел ропот, похожий на шум набежавшей и вновь отхлынувшей волны. Похоже, на этот раз студенты не поняли, какой реакции ожидал от них лектор. – Наш мир мог бы оказаться шарообразным, – профессор сложил ладони так, будто держал невидимый мяч. – Повисшим в пространстве, будто яблоко на ветке. Открытым всем стихиям. Начиная с жесткого космического излучения и заканчивая бомбардирующими его метеоритами. Чтобы стабилизироваться в пространстве, этот шар должен был

бы вращаться вокруг некоего центрального светила, многократно превосходящего его массой и объемом. А это, в свою очередь, означало бы резкие климатические перепады, в зависимости как от местоположения на поверхности этого шара, так и от цикла вращения. Как вы, надеюсь, понимаете, в таких условиях могли бы существовать разве что только самые примитивные формы жизни. Бактерии, водоросли, грибы, может быть, простейшие. Нам повезло, что наше центральное светило расположено под Куполом на Центральной Оси, – в соответствующем месте на схеме, начертанной на доске, профессор пририсовал маленький кружок. – Из меня никудышный художник, – смущенно улыбнулся он. – Наше светило – это, конечно же, никакой не шар, а малый звездчатый додекаэдр. Двенадцать правильных пятиугольных пирамид, основания которых совпадают с гранями додекаэдра. Шесть пирамид с одной стороны додекаэдра излучают свет, шесть других всегда остаются темными. Вращаясь на Центральной Оси, наш Додекаэдр обеспечивает последовательную смену дня и ночи на всей территории Мира-На-Оси. По форме, если посмотреть сверху, наш мир – это плоскость, кажущаяся кругом, – рядом с первым рисунком профессор изобразил нечто похожее на первый блин. Художник он и в самом деле был никакой. – Я говорю «кажущаяся», поскольку на самом деле Мир-На-Оси не имеет границ. Но! – Старичок наклонил голову к плечу, вскинул вверх перемазанный мелом палец и хитро улыбнулся. – Не безграничен! Он не нуждается в создании, а значит, существует всегда! – Профессор ткнул пальцем в кафедру. – И, заметьте, подобное совершенно уникальное в своем роде мироустройство возможно только в девятом измерении. Человек из третьего измерения ни за что бы не поверил в то, что Мир-На-Оси может существовать в реальности. Впрочем, – он вновь многозначительно усмехнулся, – так же, как и мы не верим в миры из вращающихся вокруг друг друга шаров. Для нас это всего лишь умозрительная модель и не более того!

Профессор заложил руки за спину, опустил голову и не спеша, будто в задумчивости, прошелся вдоль доски.

Гиньоль, с его изощренным умом, сразу же раскусил не особенно хитроумную уловку старика. Лектор хотел убедиться, что его слова произвели должное впечатление на слушателей. Если бы в аудитории зашуршали страницы и полетели шепотки, это означало бы, что олухам-первокурсникам в желтых мантиях нет никакого дела до того, как устроен мир, в котором они живут. Но в зале царила мертвая тишина. И это значило, что истина, изреченная лектором, повергла слушателей в страх и трепет. А может быть, они просто все заснули. Хотя профессор, конечно же, склонялся к первой версии.

Остановившись у центра доски, он обратился лицом к студентам. Он приподнял вверх чуть разведенные в стороны руки. На губах его появилась зловещая ухмылка.

Глянув искоса на своего соседа, Гиньоль заметил, что у студентика мелко затрясся подбородок. Как у малахольной девицы, увидавшей прямо перед носом большого, мохнатого, омерзительного паука.

– А сейчас, – медленно начал профессор. – Я расскажу вам о том, как, благодаря какому фантастическому стечению обстоятельств возник Мир-На-Оси!

Гиньоль заинтригованно хмыкнул, закинул ногу на ногу, положил на коленку трость и приготовился слушать. Он любил страшные истории.

Но, видимо, не суждено было Гиньолю узнать всю правду о сотворении Мира-На-Оси. Неслышно подкравшийся сзади студент-старшекурсник в голубой мантии тронул его за плечо и шепотом произнес:

- Господин Гиньоль?
- Да?..
- Григорий Кириллович ждет вас.
- Кто?
- Ректор.

– А.

Гиньоль легко поднялся на ноги и побежал вниз по лесенке. Прямым к кафедре.

Несколько замешкавшийся старшекурсник, путаясь в полах мантии, поспешил за ним следом. Посыльный полагал, что Гиньоль покинет аудиторию через дверь, находившуюся в конце аудитории. Чтобы не мешать лектору.

Но не таков был Гиньоль!

– Профессор! – Он подошел к середине кафедры и красивым театральным жестом выбросил руку вперед. – Благодарю вас за блестящий рассказ!

Лектор растерянно пожал протянутую руку.

Гиньоль повернулся лицом к аудитории, вскинул руку с зажатой в ней тростью и рукояткой очертил над головой круг.

И лишь после этого, наслаждаясь немим изумлением будущих академиков, Гиньоль покинул аудиторию.

Глава 2

До того как заглянуть на лекцию по космогонии, Гиньоль успел прогуляться по главному корпусу Академии и в общих чертах представлял, что и где здесь находится. Подобная тактика была хороша, когда нужно было удивить, а то и ошеломить клиента своей осведомленностью.

– Как? Вы уже бывали у нас?

– Само собой...

Красиво поигрывая тростью, Гиньоль уверенно вышагивал впереди провожатого. Что, в общем-то, было не сложно, поскольку развевающиеся полы мантии то и дело вынуждали бедолагу сбиваться с шага.

Они прошли по длинному коридору, застеленному потертой ковровой дорожкой, свернули на галерею с каменными перилами, перегнувшись через которые можно было увидеть спортивный зал, прошли вдоль стены с поясными портретами выпускников прошлых лет, добившихся особых успехов на выбранном поприще – среди них Гиньоль увидел несколько знакомых лиц, что, впрочем, не вызвало у него особого прилива энтузиазма, скорее даже наоборот, ему стало грустно при мысли, что из столь почетного заведения выходят будущие политики и государственные деятели, – миновали стену с портретами в полный рост, на которых были изображены бывшие ректоры, поднялись на этаж выше, свернули в коридор, застеленный почти что новеньким малиновым ковром, и, следуя за манящим запахом свежесваренного кофе, оказались перед двустворчатой дверью, покрытой резьбой не иначе как ручной работы, с тяжелыми медными ручками, начищенными так, что сияли, будто золотые...

И вот тут-то в отчаянном спурте посыльный обогнал Гиньоля!

Обогнал всего на полшага.

Тяжело, с надрывом дыша, он встал на пути гостя, раскинув руки в стороны. Как будто готов был принести себя в жертву. Только чего ради?

– Я должен... Извините... Я обязан... Господин Гиньоль...

Бедолага разевал рот, словно выброшенная на берег рыба.

– Тебе надо чаще посещать спортзал, – с сочувствием посмотрел на студента Гиньоль.

Старшекурсник глотнул воздуха и на одном выдохе, чтобы снова не запнуться, выпалил:

– Я должен сначала доложить о вашем прибытии, господин Гиньоль!

После этого несчастного скрутило так, что он едва не упал на ковер.

Однако ж незавидная доля у подхалимов, подумал Гиньоль.

– Давай, докладывай, – сказал он вслух.

Студент чуть приоткрыл дверь и юркнул в образовавшуюся щель, такую узкую, что в нее, казалось, и лист бумаги не пролезет.

Глядя ему вслед, Гиньоль только головой покачал. Затем он подошел к двери и постучал рукояткой трости по медной табличке, на которой красивыми буквами с завитками было выгравировано:

Григорий Кириллович Бей-Брынчалов

Ректор Центральной Академии

«Ну что ж, ректор – иногда тоже звучит гордо», – подумал Гиньоль.

Дверь широко распахнулась.

– Прошу вас, господин Гиньоль! – взмахнул широким рукавом мантии прислуживающий ректору студент.

Гиньоль даже взглядом его не удостоил. В кабинете ректора и без того было на что посмотреть.

На обстановку денег не пожалели. Но дорогое убранство не могло компенсировать абсолютное отсутствие вкуса у того, кто занимался оформлением. Интерьер кабинета ректора можно было назвать гимном вопиюще-воинствующей эклектике. Совершенно несочетающиеся между собой стили, казалось, шли войной друг на друга в стремлении уничтожить, смять, раздавить противника. Рядом с лакированным секретером начала века стояли собранные в полный рост рыцарские доспехи – с одной стороны и античная статуя богини со страдальческим выражением на лице и отколотыми по локоть руками – с другой. На открытых офисных стеллажах красовались фолианты и гримуары в кожаных переплетах, перемежающиеся всевозможными безделушками, дешевыми сувенирами, фарфоровыми статуэтками и штампованными бюстками выдающихся личностей, как почивших в бозе, так и ныне живущих. Среди последних – Почетный Президиум Городского Совета Централя. Почти в полном составе. Не хватало только Попечителя общественных туалетов – Гиньоль слышал, что Ректор с ним не в ладах. К гобелену ручной работы с изображением мифического зверя путиведа был прилеплен большой корабельный компас, которому, вообще-то, следовало находиться в горизонтальном положении. А рядом – трехмерный постер с подмигивающей красоткой в купальнике: последний писк маскульту, производимый, как и весь китч, в провинции Су. Большое стрельчатое окно, врезанное в противоположную от двери стену, было закрыто тяжелой бархатной портьерой с золотыми кистями, похожей на опавшее полковое знамя поверженной армии. Чтобы компенсировать отсутствие дневного света, под потолком горела трехъярусная хрустальная люстра, громоздкая и нелепая.

Ректор сидел за огромным дубовым столом, отделанным красным деревом, с резными ножками в форме львиных лап. Для того чтобы сдвинуть его с места, потребовалось бы человек шесть. Речь, понятное дело, идет о столе. Для того чтобы выставить из кабинета Ректора, потребовалось бы приложить куда больше усилий. Здесь, в этом кабинете, за столом на львиных лапах Григорий Кириллович Бей-Брынчалов чувствовал себя человеком, равным Бургомистру. А может быть, и повыше. Двое сыновей нынешнего Бургомистра уже получили образование. Между прочим, оба в Центральной Академии. И оба были среди лучших учеников. Однако ж, как достоверно было известно Ректору, у обоих уже подрастали наследники. И, надо полагать, не только счастливые родители, но и дедушка маленьких сорванцов, то бишь сам нынешний Бургомистр Централя Артур Рингольдович Макдуров, мечтал, чтобы учились отпрыски сии не где-нибудь, а в Центральной Академии. А это в свою очередь означало, что глава Городского Совета должен был сохранять с Ректором по крайней мере добрые отношения. Бургомистр – всего лишь частный случай. Дети были у всех. Не дети, так внуки. Не внуки – так племянники, крестники, невестки, дети друзей, знакомых и малознакомых людей, которые когда-то оказали тебе услугу и теперь ждали ответного знака внимания. Если как следует разобратся, то, скорее всего, окажется, что все, абсолютно все жители Централя связаны между собой теми или иными отношениями. А это означало, что все они должны были относиться с должным почтением и глубочайшим уважением к Ректору Центральной Академии. Даже те из них, кто испытывал глубочайшее и самое искреннее отвращение ко всем наукам, включая космогонию и арифметику. Разумеется, имелись и такие, перед кем сам Ректор трепетал, как листик на ветру. Но их было не так уж много. Да и не часто их жизненные маршруты пересекались с тем светлым путем, по которому шагал Ректор.

Григорий Кириллович Бей-Брынчалов был вальяжен и тучен. Вернее, тучен и вальяжен. Поскольку вальяжность его являлась следствием тучности, а не наоборот. Чрезмерная полнота делала любое движение неудобным и неловким, поэтому ректор предпочитал без нужды

и вовсе не двигаться, а сохранять, как он это называл, осанку. Все необходимые движения он сводил к коротким плавным жестам. Вальяжность его была того свойства, что в другом месте ее могли бы определить как чванливость. Однако сам Ректор об этом даже и не подозревал. Сам он считал себя отличным малым, душой компании и заядлым либералом, почти демократом.

Прежде Гиньолю доводилось видеть Ректора лишь издалека. Да и не рассматривал он его особо, поскольку никаких дел у него с Бей-Брынчаловым не было и не намечалось. Теперь же, взглянув на Ректора вблизи, Гиньоль решил, что он здорово смахивает на раздувшуюся от собственной важности жабу, завернутую в пурпурную мантию с золотой каймой. Гиньоль даже решил, что для законченности образа Ректору здорово недостает белого напудренного парика с буглями.

Однако ж Гиньоль имел замечательную привычку держать собственное мнение при себе. И даже когда его мнением интересовались, он далеко не всегда высказывал его вслух. А то, что все же бывало воплощено в слова, далеко не всегда и не во всем соответствовало тому, что он думал. Оказавшись перед всемогущим Ректором, Гиньоль лишь дежурно улыбнулся. Вежливо, но без подобострастия. У него не было на примете никого, кого бы он хотел пристроить в Центральную Академию. А раз так, следовательно, это Ректор имел к нему какой-то интерес, а не наоборот.

Между тем Григорий Кириллович Бей-Брынчалов старательно делал вид, что не замечает гостя. Растянув, насколько это было возможно, складки на шее, он сосредоточенно и тупо пялился в экран стоявшего перед ним монитора. И то и дело исправно давил двумя пальцами на клавишу пробела.

Уголки губ Гиньоля едва заметно изогнулись, лишь обозначив ироническую усмешку. Не дожидаясь приглашения, он подошел к столу, сел в глубокое и крайне неудобное кресло эпохи Бронсаль, обитое бело-голубым атласом с вышитыми геральдическими ромашками, кинул ногу на ногу и положил на коленку трость. Покачивая острым, блестящим мыском кожаной туфли, Гиньоль от нечего делать считал удары пальцев Ректора по клавише пробела.

Один... Два... Три...

Человеческая натура странна, но легко предсказуема.

Четыре... Пять...

Ректор хотел дать понять Гиньолю, что он страшно занятой человек.

Шесть...

Да, конечно, он сам пригласил Гиньоля, но при этом...

Семь...

...При этом Ректор все же делал одолжение, приняв его.

Восемь... Девять...

Зачем он это делал? Вот это – вопрос.

Десять...

Причины могут быть самые разные. Начиная с ничем не замутненного тщеславия и заканчивая мелочной, но тщетной в отношении Гиньоля надеждой сбить таким образом цену.

Одиннадцать...

Гиньоль не проявлял нетерпения. Он готов был ждать, сколько потребуется. Во-первых, ему не было скучно, поскольку любимым его занятием было наблюдение за людьми.

Двенадцать...

Он их бережно собирал и тщательно сортировал, как спичечные этикетки. Ректор Центральной Академии, несомненно, претендовал на заслуженное место в его коллекции. Гиньоль уже давно к нему присматривался. Однако возможность понаблюдать за Ректором вблизи представлялась ему впервые. Ну а во-вторых...

Тринадцать...

...Гиньоль точно знал цену своему времени. То время, которое он проведет в кабинете Ректора, так же, как и то, что он затратил на прослушивание лекции по космогонии, будет непременно включено в счет, который он в конце концов предъявит господину Бей-Брынчалоу. Как частному лицу или как Ректору Центральной Академии – это уже не имело значения.

– Четырнадцать!

Ректор вздрогнул от неожиданности и испуганно вскинул голову. Так, что щеки колыхнулись из стороны в сторону. Как уши у старого слона.

– Что?

Гиньоль улыбнулся приветливо, открыто и в меру располагающе.

– Вы знаете, почему число четырнадцать считается несчастливym?

– Н-нет. – Ректор слегка запнулся.

На всякий случай, уже не глядя на экран, он еще раз ударил пальцем по клавише.

– Хотите, расскажу?

– П-простите?..

– Я могу рассказать вам, почему люди не любят число четырнадцать.

– Это имеет какой-то рациональный смысл?

– Абсолютно иррациональный.

Ректор немного ожил. Он понял, что имеет дело со здравомыслящим человеком. Он заерзал на стуле. Подпер щеку кулаком. В глазах его мелькнул иррациональный интерес.

– Ну-ну? – Он уже не запинался.

Гиньоль взмахнул тростью, широко расставил ноги, утопил набалдашник в густом ворсе ковра и оперся о рукоятку. Он любил эту позу и называл ее «Застывший Порыв».

– Когда-то, очень давно, я бы даже сказал, на заре истории, в календаре было четырнадцать месяцев. Вам это известно?

– Ну, это не входит напрямую в сферу моих научных интересов.

Прозвучавшая из уст Ректора сия замысловатая фраза должна была означать то же самое, что и «нет», произнесенное обычным человеком.

– У вас бэббидж «Ананас»? – неожиданно сменил тему Гиньоль.

Ректор удивленно посмотрел на монитор. Он никогда не интересовался, какой марки у него вычислитель.

– А операционная система? – продолжал наседать Гиньоль. – «Цезарь» три в одном?

Ректор недовольно засопел. Он уже прикидывал, кому сделать втык за то, что его не поставили в известность, какая операционная система установлена на его вычислителе.

– Который час? – снова невпопад спросил Гиньоль.

Ректор глянул на часы в золотом корпусе в форме надкушенного яблока.

– Пятнадцать минут четвертого.

– Вы пригласили меня к двум.

Гиньоль произнес это даже без тени укоризны, просто констатируя факт.

– Разве? – не очень-то старательно изобразил недоумение Ректор. – Должно быть, я заработался... Но все равно вас должны были встретить и предложить кофе...

– Я не пью кофе.

– Да?

– От него понижается нервный тонус.

– Я полагал, наоборот...

– Думаю, этот вопрос также не входит напрямую в сферу ваших научных интересов. Вместо того чтобы травить себя кофе, я посетил лекцию по космогонии.

– Да? – Ректор улыбнулся. – Ну и как вам?

– Замечательно. Если, конечно, называть лекцией выступление выжившего из ума старика, с неподражаемо дурацким видом изрекающего банальные истины, известные даже пер-

вокласснику, который не поленился открыть школьный учебник. Вашему лектору следовало бы выступать в кабаре «Белая Лошадь». Там бы он имел сногшибательный успех!

Ректор покрутил головой, как будто ему вдруг стало трудно дышать из-за того, что воротник давил на шею.

– Я бы предпочел... – начал было он.

Но осекся.

Потому что и сам не знал, что хотел сказать.

– Что?

Гиньоль чуть подался вперед. Весь – ожидание.

Ректор кашлянул, чтобы прочистить горло, и предпринял вторую попытку.

– Я бы хотел...

Впрочем, также безуспешную.

– Вы бы хотели знать, кто я такой! – как всегда вовремя пришел на помощь Гиньоль.

Двумя пальцами он извлек из нагрудного кармана золотистую визитную карточку и протянул ее Ректору.

«Гиньоль Гиньоль

Решаю любые проблемы».

Бей-Брынчалов искоса глянул на гостя и перевернул карточку.

«Джин Ойл

Решаю любые проблемы».

– Вы партнеры?

– Нет. Я един в двух лицах.

– Как это?

– Мое имя некоторым кажется необычным, странным и почему-то труднопроизносимым.

Поэтому я пользуюсь двумя.

Ректор удивленно хмыкнул.

– А это не противозаконно?

– Не более чем заставлять гостя ждать.

Ректор с озадаченным видом покрутил карточку в руках.

– Какое же из этих имен настоящее?

– Первое.

Ректор еще раз перевернул карточку со стороны на сторону. Но даже не стал пытаться угадать, какая из двух сторон первая.

– И как же мне вас называть?

– А мне вас?

– У меня одно имя.

– Вас можно называть официально – господин Ректор. Или чуть менее официально – господин Бей-Брынчалов. Или уважительно – Григорий Константинович. Или по-приятельски – Гришка. Или совсем уже просто – Бей. Или насмешливо...

– Обращайтесь ко мне официально, господин Гиньоль!

– Ну вот видите, как все просто, – улыбнулся гость. – Перейдем к делу?

– Да, конечно...

Ректор вновь посмотрел на визитку Гиньоля. *«Решаю любые проблемы»*. Не слишком ли самоуверенно? Так уж и любые?..

– Мне порекомендовали вас друзья.

– Именно так и узнают обо мне все мои будущие клиенты. – На лице Гиньоля ни тени улыбки. Он серьезен, как грозовая туча, знающая, что она несет тем, кто вышел сегодня из дома без зонта. – Я экономлю на рекламе.

– И что, вы действительно... – Ректор постучал краем золотистой карточки по яблоку-часам. – Действительно можете решить любую проблему?

Снисходительно усмехнувшись, Гиньоль откинулся назад и царственно возложил согнутый локоть на спинку кресла.

– Скорее всего, нет, – изрек он в некой задумчивости. Но тут же оживился. – Я даже уверен, что существуют проблемы, которые я не в силах решить! Наверняка существуют! Но. – Гиньоль стукнул тростью об пол. На паркетном или каменном полу это получилось бы куда более эффектно. А так звук потонул в ковровом ворсе. Однако осталось красивое, можно даже сказать, яркое движение. – Я пока с такими не сталкивался, – закончил Гиньоль.

Ректор, все еще в нерешительности, пожевал толстые, похожие на гусениц, губы.

– Вы можете привести примеры?

– Примеры? – недоумевающе вскинул брови Гиньоль. – Они повсюду!

– Например?

Гиньоль с неодобрением покачал головой. Но все же ответил.

– Прошлогодний финансовый кризис.

– При чем тут это?

– Вам не показалось, что с ним справились на удивление быстро?

– Хотите сказать, что это ваша заслуга?

Гиньоль деликатно отвел взгляд в сторону.

Из складок мантии Ректор извлек толстый, увесистый бумажник из бычьей кожи и аккуратно уложил в него золотистую визитку.

Гиньоль понял, что заполучил нового клиента.

Замечательно!

Теперь лишь оставалось сделать так, чтобы клиент остался доволен. Опыт подсказывал, что довольный клиент – это, по крайней мере, четыре новых клиента. Ну а как сделать клиента довольным, Гиньолю не нужно было объяснять. Он вовсе не ломал комедию. Он действительно решал любые проблемы.

Глава 3

Артур Рингольдович Макдуров, Бургомистр и глава Городского Совета Централя, был вне себя. Бургомистр был возмущен до глубины своей необъятно широкой души. Проще говоря, Бургомистр был в бешенстве.

– Негодяи! Злыдни! Подонки!..

Стоя посреди просторного, из-за пустоты своей кажущегося огромным, как футбольное поле, зала для торжественных приемов, Бургомистр зло глянул по сторонам, ища, что бы схватить, сломать, садануть о стену. Но, как назло, ничего подходящего не было. Разве что только одно из кресел, в которые опускали свои натруженные зады члены Городского Совета, когда им предстояло обсудить и решить важные вопросы, касающиеся городского бюджета, сбора налогов или уклонистов от службы в рядах сил охраны правопорядка. Однако Бургомистр отличался живым умом и умением предвидеть будущее на пару минут вперед. Артур Рингольдович отдавал себе отчет в том, что далеко уже не так молод и совсем не так крепок, как, скажем, лет эдак тридцать, ну, пусть будет двадцать восемь, тому назад, и отчетливо представил, насколько смешно и нелепо будет он выглядеть, ежели, ударив креслом о стену, не сумеет расшибить его в щепки. А кресла между тем были тяжелыми и сколоченными на совесть. Иначе бы и не выдержали членов Городского Совета, славящихся умением сладко поесть и нелюбовью к любого вида упражнению, будь то умственные или физические. Да что там, он даже поднять это клятое кресло не сможет!

– Остолопы! Дармоеды! Сучье отродье!.. Чтоб вам всю жизнь пустые щи хлебать!..

Бургомистру только и оставалось, что сыпать бранью. Благо в этом он толк понимал. И достиг совершенства в результате упорных, продолжительных тренировок. Вообще-то, спровоцировать его на ругань было не так-то просто. Но раз уж сорвавшись с цепи, Бургомистр не скоро успокаивался.

– Мусорные объедки! Морковные слевыши! Простагландины!..

Значения последнего слова Бургомистр не знал. Он даже не помнил, где впервые его услышал. Но, едва услышав это удивительное слово, он сразу понял – то, что надо! Крепко, сочно и по сути! Что называется, не в бровь, а точно по сусалам! Хорошего человека простагландином не назовут! Так ведь?

– Растукокоры растабайские! Шваль подзаборная! Ворье позорное!..

Увы, из-за раннего часа запечатлеть всю подлинную красоту и истинную ярость бургомистрова красноречия было некому. Единственными свидетелями дивной в своем неистовстве вспышки гнева Артура Рингольдовича Макдунова оказались шестеро орков-шенгенов, неловко жавшихся в дверях. Однако по причине неудовлетворительного знания языка, на котором изъяснялся Артур Рингольдович, они понимали лишь то, что Бургомистр взбешен и зол. Чертовски зол! Но вот причину его злости они пока что уяснить не могли. Так же, как и не догадывались, во что она может вылиться. Собственно, они готовы были заранее признать себя виноватыми и во всем покаяться. Лишь бы только с работы не выгнали.

Прежде шенгены были вполне уважаемыми гражданами Мира-На-Оси, хотя и редко выбирались куда-то из своего Шенгена. Ну а ежели и выезжали куда, так строго по приглашениям, в смысле по делу, не иначе. Орки-шенгены имели некоторые магические навыки, как правило, чисто бытового свойства. Однако ж после кризиса магии, грянувшего вслед за повсеместным внедрением преобразователей силы Шмица-Шульмана, Шенген пришел в упадок. Дабы хоть как-то свести концы с концами, орки-шенгены всеми правдами и неправдами старались добраться до Централя. Или еще до какого процветающего места. Где с надеждой и радостью брались за самую непрестижную и низкооплачиваемую работенку.

Шестеро орков-шенгенов, испуганно наблюдавшие за неистовством Бургомистра, работали в Городской ратуше, где все они сейчас и находились. В их обязанности входило: уборка помещений, ремонт мебели и мелкий ремонт здания, охрана всего, что имеется, чистка мантий и треуголок членов Городского Совета, закупка плюмажей для треуголок; две женщины-шенгенки должны были готовить легкие закуски и подавать напитки во время заседаний; младший орк-шенген, кое-что смысливший в технике, подрабатывал еще и киномехаником; старший по праздникам занимался пиротехникой. Жили орки здесь же, при ратуше, которую в народе по всем понятным причинам именовали не иначе как Желтым Домом. Им были отведены два небольших полуподвальных помещения. Члены Городского Совета долго и на это не решались, полагая, что выгоднее сдать помещения под склад какой-нибудь коммерческой фирме. Однако в конце концов вняли голосу рассудка, исходявшему из уст Бургомистра: для того чтобы заменить шестерых орков-шенгенов, Городскому Совету пришлось бы нанять шестьдесят трех местных жителей, каждому из которых следовало бы платить втрое больше, чем всем шенгенам, вместе взятым. Совместное проживание шенгенов не смущало, поскольку все они приходились друг другу родственниками. Система родственных связей у орков настолько сложная и запутанная, что подробно разбираться в этом никто не стал. Да и кому какое дело? Живут себе – и пусть!

Преданно глядя на изнывающего от горя и тоски Бургомистра, орки-шенгены тихо перешептывались и время от времени толкали друг друга локтями – смотри, мол, что делается!

Изыгнув еще десятка полтора изощреннейших ругательств, Бургомистр наконец-то утихомирился. Вернее, он понял, что, помимо штатной obsługi, других слушателей у него нет. А к низшему сословию следовало обращаться соответственно. Шенгены уже стали свидетелями его гнева. Пусть же теперь узрят его мудрость!

Бургомистр обратил свой светлый лик к шенгенам.

– Все! – трагически понизив голос, он широко развел руки в стороны. – Все, что нажито годами службы народу и отечеству! – Голос едва заметно дрогнул на трагической нотке, а руки театрально взлетели вверх. – Все пропало! – Руки упали, подбородок уперся в грудь.

Пауза.

Бургомистр чуть приподнял голову и глянул на шенгенов.

Орки ровным счетом ничего не понимали, но все равно внимали с разинутыми ртами.

Бургомистр вскинул голову. Гордо и независимо.

– Я понимаю, воровство – это часть государственной системы. Без этого нельзя. Если человек трудами и стараниями, а где-то и подкупом добрался до высокой государственной должности, он должен компенсировать себе моральные и материальные затраты. Верно?

Орки дружно закивали.

– Но всему же должен быть предел! Нельзя вот так, внаглую, тащить вещи оттуда, где ты работаешь! Когда пропали три речных трамвайчика, я молчал. Хотя и знал, в чьем пруду они теперь плавают. Когда пропали бронзовые львы с причала, я тоже не стал поднимать шума. Зачем? Что мы, новых львов не отольем? Когда из Гримм-парка однажды среди ночи исчез фонтан со скульптурными изображениями четырнадцати фаз додекаэдра, все снова сделали вид, будто ничего не случилось. А ратман Мидоу, в саду у которого появился точно такой же фонтан, уверял, что он заказал себе копию пропавшего. Мы даже закрыли глаза на то, что из городского зоопарка таинственным образом исчезли три крокодила, два слона, бегемот и гигантская носоворотка, а ратман Люпин в то же самое время открыл свой домашний зверинец! Но – Центральную Ось всем им в душу! – я не потерплю того, что из зала для торжественных приемов среди бела дня исчез рояль! И не какой-нибудь, а именно! Подаренный Городскому Совету величайшим пианистом современности Джерри Ли Льюисом! Тот самый рояль, на котором он в третий раз выиграл триста восемьдесят шестой Международный конкурс исполнителей, проходивший... – тут Бургомистр запнулся, потому что забыл, где именно

проходил вышеупомянутый конкурс. Но, быстро сообразив, что шенгены все равно ничего об этом конкурсе не слышали, продолжил ловко: – Проходивший уже не в первый раз! Мы найдем вора, изобличим его и призовем к ответу! – Бургомистр задумался, все ли он сказал? Вроде бы все. И поставил точку: – Так!

Правая рука Бургомистра торжественно легла на грудь. Он чуть повернулся. Чтобы луч додекаэдра, проникающий в зал через широкое окно с полукруглыми створками, красиво блеснул на орденах и позументах темно-синего бургомистрова мундира. И замер. В красивой позе. С благородно вскинутым подбородком.

Шенгены знали, что нужно делать в такой ситуации, и дружно захлопали в ладоши. Они были уверены, что это тоже входило в их служебные обязанности.

– Благодарю, друзья мои, – с чувством улыбнулся Бургомистр. – Благодарю. Я знал, что на вас всегда можно положиться. А сейчас, пока ратманы еще не собрались, давайте проведем маленькое, свое, так сказать, внутреннее, дознание. Ага?

Бургомистр пододвинул кресло, плюхнулся в него, откинулся на спинку и вытянул ноги.

Шенгены что-то залопотали по-своему, по-орочьи. Судя по всему, они не понимали, что хочет большой хозяин.

– Хозяин хотить пить? – сложив руки на груди, вежливо осведомилась пожилая шенгенка.

– Нет, – поморщившись, махнул рукой Бургомистр.

– Хозяин хотить исть?

– Да нет же!

– Хозяин хотить спать! – догадалась более молодая шенгенка. – Хозяин много работать!

Хозяин шибко устать!

– Да не хочу я спать! – замахал на них уже обеими руками Бургомистр. – Я хочу...

– Хозяин хотить смотреть фильму? – робко предположил шенген-киномеханик.

– Нет, я вам говорю!

– Хозяин хотить?..

– Стоп! – поднял руки Бургомистр. – Говорить буду я! А вы станете говорить, когда я вам скажу! Это ясно?

Шенгены заговорили по-своему. Все разом. Видно, ничего не поняли.

– Кто у вас старший? – спросил Бургомистр.

Он точно помнил, что назначал кого-то из них старшим.

– Моя старший, – сделал маленький шаг вперед один из шенгенов.

Прищурившись, Бургомистр посмотрел на него, будто купить собрался. А может, наоборот – продать.

Рост чуть выше среднего, большая голова, крупные, грубые черты лица, короткая стрижка. Широкие плечи, длинные руки, кривоватые в коленях ноги. Типичный орк. Шенгены, они, как известно, всем оркам орки.

– Как тебя зовут? – спросил Бургомистр.

Он точно знал, что у старшего шенгена есть имя, но никак не мог его вспомнить.

– Алик, – ответил шенген.

На самом деле это, конечно же, было не его имя. У всех орков длинные, труднопроизносимые имена, напоминающие виртуозно закрученный скэт. Что-то вроде Шамти-Дам-Титам-Турам-Дида-Ди-Дам. Но, приезжая в Централь, они назывались местными именами. Так было проще. Хотя, с другой стороны – ущемление национальной гордости. Но вы глубоко заблуждаетесь, если полагаете, что орки предпочитают быть гордыми, но голодными. Скорее наоборот.

– Итак, Алик, ты помнишь рояль, что стоял тут? – Бургомистр рукой указал на то место, которое еще вчера вечером, как он ясно помнил, украшал мемориальный инструмент Джерри Ли Льюиса.

– Помнишь?.. – Шенген сосредоточенно сдвинул брови к переносице. – Что – помнишь?.. – И тут же быстро добавил: – Алик все помнишь!

– Большой, черный, блестящий ящик. – Бургомистр руками попытался набросать форму рояля. – Который здесь в зале стоял. Помнишь?

– Помнишь! – уверенно кивнул Алик. – И они – тоже помнишь! – кивнул он на своих родственников.

– Помнишь!.. Помнишь!.. – хором заголосили шенгены.

– Отлично! – поднял руку Бургомистр. – Когда вы видели его последний раз?

– Кого? – изумленно вытаращился на Бургомистра Алик.

– Рояль... Тьфу, то есть черный ящик.

– Вчера.

– Точно?

– Точно. Вчера вечер. Жена мой пыль с него убирать. – Алик схватил за локоть шенгенку, ту, что постарше, и подтащил ее к себе. – Моя жена! – гордо улыбнулся шенген. – Мара звать!

– Так ты, Мара, вытирала пыль с рояля? Вчера вечером?

– Вытирала, конечно, как обычно... Ой! – шенгенка смущенно зарделась, быстро провела пальцами по вискам, пряча выбившиеся волосы под платок, и продолжила уже совершенно по-другому: – Вытирать, хозяин, вытирать. Хорошо вытирать, чисто! – Она достала из кармана фартука тряпку и начала изображать, как вытирает пыль с крышки рояля. – Вот так вытирать! Вот так!..

– А скажи-ка мне, Мара, ничего подозрительного ты, часом, не заметила?

– По-до-зри-тель-но-го?.. – медленно, по слогам, повторила вслед за бургомистром Мара.

– Ну, чего-то странного, необычного?

– Нет, – покачала головой Мара.

– Точно?

– Нет.

– В каком смысле нет?

– Нет, ничего не видеть.

Бургомистр с досадой цокнул языком.

– А может, кто-то из ратманов возле рояля крутился?

Лица Алика и Мары сделались сосредоточенными и задумчивыми. Глядя на них, Бургомистр вспомнил, что такое же выражение он видел у древней каменной маски с плато Текапо-Капо, выставленной в Центральном музее.

– Ратман Студень крутился! – неожиданно подал голос шенген-киномеханик. – Я видеть!

– Точно? – вскинул голову Бургомистр.

– Точно! Весь вечер крутился!

– И что еще?

– Маленький бирка читать! Долго читать!..

– А-х! – Бургомистр азартно хлопнул в ладоши. – Попался, мерзавчик!

Ратман Студнев был самым молодым избранником народа в Городском Совете. За это все остальные ратманы люто его ненавидели. Впрочем, они все друг друга ненавидели. В той или иной степени. Но Студнева – особенно. Его папаша к делу пристроил. А старший Студнев, или, как все его называли, Студнев-старик, был не кто иной, как владелец всех центральных пивоварен.

«Пиво «Студнев» – для людей!

Днем и ночью – пой и пей!»

Вот так денежки-то делаются!

Хотя на самом деле пиво у Студнева было препоганое. Пили его разве что только орки да гномы. Ну и прочее отребье. Те, кому все равно с чего, главное – отрубиться. Хоть стакан спирта, хоть кирпичом по затылку – лишь бы крепко.

Глава 4

– Какого рода ваша проблема, господин Ректор?

– Я хочу, чтобы вы сами увидели!

Ректор повелительно взмахнул рукой, и тотчас же студент-старшекурсник, все это время, словно призрак, прятаясь в тени у дверей, метнулся к старинному трехдверному гардеробу. Порывисто распахнув сразу две створки, студент нырнул в разверстое чрево. Но вскоре появился, живой и невредимый, держа на вытянутых руках, будто бесценный дар Небес, круглую, очень широкополую шляпу, в цвет ректорской мантии, с такой же золотой отделкой по краю.

Ректор оперся обеими руками о массивные подлокотники, крикнул от натуги, но все же поднялся на ноги. Опираясь о край стола, он медленно обошел его и, едва переставляя ноги, направился к ожидавшему его студенту. Лицо Ректора приобрело мученическое выражение. Казалось, каждое движение требует от него невероятных усилий.

В один миг Гиньоль оказался сначала на ногах, а затем и рядом с Ректором.

– Господин Ректор, – зашептал он ему на ухо. – У меня есть один знакомый изобретатель.

– Ну?

– Замечательный изобретатель! Умничка! Самородок!

– Ну?

– У него есть одно гениальное изобретение.

– Только одно?

– Одно, которое вам просто необходимо!

– Мне?.. Мне ничего не нужно.

Разумеется, Ректор имел в виду: «Мне ничего не нужно сверх того, что у меня уже есть». Но стоило ли об этом говорить вслух? Все ведь и без того было понятно.

– Вы просто не представляете, насколько вам это нужно! – стоял на своем Гиньоль. – Это изменит всю вашу жизнь!

– А я не хочу ее менять.

– Хорошо, в таком случае, внесет в нее новую, живительную струю! – Гиньоль хитро прищурился. Но так быстро, что этого никто не заметил. – Как вам такой вариант?

Ректор задумался. Закатил глаза. Слова Гиньоля звучали как-то очень уж неопределенно. Или, лучше сказать, – двусмысленно. Это было похоже на искушение. Против которого Ректор не мог устоять.

– Что за изобретение?

Гиньоль многозначительно посмотрел на студента с ректорской шляпой в руках.

Ректор тяжело вздохнул, принял из рук студента шляпу и, как рыцарский шлем, водрузил ее на голову.

– Иди, – небрежно махнул он рукой на услужливого студента.

Тот попятился, отвесил низкий поклон и, чуть приоткрыв дверь, скользнул в образовавшуюся щель.

– Никогда не видел человека, пресмыкающегося с таким чувством собственного достоинства, – глядя на дверь, заметил Гиньоль.

Ректор довольно улыбнулся.

– У нас в Академии очень талантливые студенты.

– Не сомневаюсь! А этот, что вышел за дверь, должно быть, самый талантливый?

– Пока лишь подающий надежды.

– Уверен, его ждет большое будущее.

– Так что за изобретение?

– А! Мой друг, – хотя кроме них в комнате больше никого не было, Гиньоль вновь понизил голос до таинственного полусшепота, – изобрел замечательнейшее устройство. Называется «выталкиватель».

– Выталкиватель? – недоумевающе переспросил Ректор.

– Именно! – щелкнул пальцами у него перед носом Гиньоль. – Выталкиватель!

– И для чего он нужен, этот ваш выталкиватель?

– Для того, чтобы выталкивать.

Ректор почувствовал себя заинтригованным.

– Что же, позвольте спросить, он выталкивает?

– В принципе, все что угодно.

Подумав, Ректор покачал головой.

– Мне ничего не нужно выталкивать.

– Вы уверены?

Гиньоль задал этот вопрос так, что Ректор задумался. А в самом ли деле он уверен в том, что выталкиватель ему ни к чему? Более того, Ректор почувствовал некоторое сомнение. Быть может, ему все же может понадобиться выталкиватель? Что, если в тот самый момент, когда выталкиватель будет крайне необходим, его не окажется под рукой? Так ведь всегда и бывает – вещь, которая крайне необходима, чаще всего теряется. Третий закон неопределенности бытия!

– И что же, по-вашему, я должен выталкивать? – тихо спросил Ректор.

– Ваш зад! – торжественно провозгласил Гиньоль.

– Что?

– Ваш зад, уважаемый господин Ректор!

– Зад?

– Именно!

– Послушайте, не слишком ли это резко?

– Ни в коей мере! Выталкиватель работает мягко и плавно. Не исключено, что со временем вы даже станете получать удовольствие от этой процедуры.

– Нет.

– Да!

– Я сомневаюсь...

– И совершенно напрасно! Выталкиватель будет установлен на сиденье вашего кресла. В надлежащий момент вам нужно будет всего лишь легким движением пальца надавить на спрятанную в подлокотнике клавишу, и механизм мягко вытолкнет ваш глубокоуважаемый зад из кресла. Никто из присутствующих ничего не заметит. Они будут уверены, что вы сами легко и красиво поднимаетесь на ноги.

Заложив одну руку за спину, а другую прижав к выпяченной груди, Гиньоль изобразил гордую осанку, с которой Ректор должен был подняться из кресла с помощью выталкивателя.

Ректору это понравилось.

– Когда я смогу испробовать этот ваш выталкиватель?

– В самое ближайшее время. – Гиньоль ловко подхватил Ректора под локоток и повлек его к выходу из кабинета. – Вы и представить себе не можете, насколько велик спрос на выталкиватели. Сейчас ими пользуются все уважающие себя люди, которым регулярно приходится публично вставать из кресла.

– Что, даже?.. – Ректор указал пальцем на потолок.

Прикрыв глаза, Гиньоль многозначительно наклонил голову. Мол, я не могу об этом говорить, но вы ведь и сами все прекрасно понимаете.

– Мой друг с трудом справляется с наплывом заказов. Но я постараюсь поставить вас в начало списка.

– Буду весьма признателен вам, господин Гиньоль, – прочувственно поблагодарил Ректор.

Он уже и сам не понимал, как прежде жил без столь необходимой вещи, как выталкиватель? А заодно обдумывал, кому бы сделать втык за то, что его не держат в курсе последних достижений научно-технического прогресса.

Локоть к локтю, тихо о чем-то перешептываясь, как старые друзья-однокурсники, Ректор и Гиньоль вышли из кабинета.

В хвост к ним тут же пристроился студент-посыльный. Этот парнишка знал свое место. Он шел в двух шагах позади, низко опустив голову, так, чтобы сразу среагировать, если вдруг Ректор его окликнет, но при этом не слышать ни слова из приватной беседы хозяина с гостем.

Гиньоль не обращал на студента внимания. Ему были неинтересны прямолинейные, убежденные в своей правоте лизоблюды. Таких в его коллекции было предостаточно. Он бы с радостью отдал десяток-другой за что-то более любопытное.

Они пересекли просторный холл, одну из стен которого украшала монументальная фреска на тему строительства первой железнодорожной ветки, связавшей Централь с Сардонией. Централь, как водится, символизировали Центральная Ось, ну и, само собой, Центральная Академия. Рядом с группой домиков, отмечающих местоположение Сардонии, стоял улыбающийся широкоплечий бородач в кожаном фартуке с горсткой гисов в сложенных ладонях, испускающих несвойственное им сияние. А вот первый локомотив братьев Балабановых был изображен очень достоверно, с тщательной прорисовкой каждой заклепки и вниманием к деталям.

Гиньоль обратил внимание на то, что как студенты, так и преподаватели, едва замечав пурпурную мантию Ректора, старались немедля исчезнуть. Скрыться с глаз долой. Раствориться в воздухе. Либо сотворить еще какой трюк. Спрятаться за портьеру, в конце концов. Лишь бы только не столкнуться лоб в лоб с господином Бей-Брынчаловым. Те же, кому это не удавалось, едва не падали в обморок, когда их касался – всего лишь на миг, не более! – суровый взгляд Ректора Академии. А один студент-первокурсник даже принялся икать и, взмахивая руками, подпрыгивать на месте, по причине чего у него из-под мантии посыпались тетрадки, свитки, карандаши и завернутый в вошеную бумагу бутерброд.

Заметив встревоженный взгляд Гиньоля, Ректор благодушно улыбнулся.

– Не тревожьтесь, друг мой Гиньоль, с мальчиком все в порядке.

– Вы так полагаете?

Гиньоль оглянулся.

Провожая их взглядом, студент продолжал взмахивать руками.

– Конечно. Он готовится к практическим занятиям по вуду.

– Вы знакомите детей с практикой вуду? – удивился Гиньоль.

– После соответствующей теоретической подготовки, – заверил его Ректор.

По мнению Гиньоля, то, что вытворял паренек в розовой мантии, не очень-то походило на вуду. Но он не стал спорить с Ректором на эту тему. В конце концов, Ректору было виднее. А если и нет, то он все равно был Ректор. И это была его Академия.

О магическом факультете Центральной Академии ходило множество слухов. Зачастую совершенно нереальных и нелепых. Постороннему попасть туда было не просто сложно, а практически невозможно. Гиньоль подозревал, что подобная таинственность, скорее всего, скрывает лишь то, что ничего удивительного на этом факультете не происходит. Одно только название, что магический. После того как был открыт гранулированный источник силы, магия начала выходить из широкого повседневного употребления. И постепенно стала забываться. Ну, в самом деле, зачем вызывать мага, чтобы он, сопя, кряхтя и размазывая локтем сопли, сотворил для тебя самодвижущуюся повозку, если можно сесть в удобный, комфортабельный вагон поезда, следующего точно по расписанию, и доехать куда тебе нужно? Кстати, поездка на

поезде и обходилась дешевле. Значительно дешевле. Вот и пришлось магам переквалифицироваться. Одни стали консультантами, другие – маркетологами, третьи – карточными шулерами. Однако ж, для расширения собственных познаний, Гиньоль не отказался бы воочию взглянуть на то, что представляет собой магический факультет Центральной Академии. И он надеялся, что личное знакомство с Ректором Бей-Брынчаловым весьма ему в этом поспособствует. Но для того чтобы обратиться к ректору с подобной просьбой, нужно было выбрать подходящий момент. А сейчас он был явно не тот. Господин Бей-Брынчалов сопел, отдувался, тяжело дышал и еле-еле переставлял ноги. Они перемещались столь медленно, что, казалось, никогда и никуда не придут. К тому же Гиньоль и вовсе не знал, куда они направляются. Ему уже становилось в тягость поддерживать светскую беседу с Ректором. Тем более что говорить почти все время приходилось ему одному. Решив, что пора наконец прояснить ситуацию, Гиньоль вдруг охнул и схватился рукой за поясницу.

– Что с вами, уважаемый? – удивленно посмотрел на него Ректор.

– Прострел, – процедил сквозь зубы Гиньоль. – Пять лет назад застудил спину. И с тех пор мучаюсь. Может вдруг прихватить в самый неподходящий момент... Как правило, ненадолго. Но все же... Ох!

Гиньоль попытался сделать шаг и болезненно сморщился.

– Ну же, друг мой! – подбодрил его Ректор. – Мы уже почти пришли!

– Правда?

– Конечно! Нам осталось лишь спуститься по лестнице и пересечь центральный холл.

– Я попытаюсь.

Гиньоль сделал шаг. Затем еще один.

– Что стоишь? – прикрикнул на студента-подхалима ректор. – Не видишь, что ли, человеку плохо! Помоги!

– Э, нет, благодарю! – уклонился от протянутых к нему рук Гиньоль. – Мне уже лучше!

– Уверены?

– Абсолютно! – Гиньоль подпрыгнул на месте. – С этим прострелом всегда так – может отпустить через минуту, а может на неделю уложить в постель.

– Идемте, – махнул рукой Ректор.

Стена, вдоль которой тянулась лестница на первый этаж, была украшена богатой коллекцией холодного оружия. От самых древних и надежных систем для убийства до почти безобидных новомодных игрушек. Гиньоль, кое-что понимавший в оружии, мог почти с уверенностью сказать, что большинство из этих настенных украшений были настоящими. И стоили немалых денег.

– Это коллекция генерала Мюзиля, – верно истолковал заинтересованный взгляд гостя Ректор.

– Того самого Мюзиля? – уточнил на всякий случай Гиньоль.

Хотя какие могли быть сомнения? Генерал Берт Мюзиль, победитель гигантских червей, был один! И другого просто не могло быть!

– Тот самый, – кивнул Ректор. Держась за перила, он осторожно переступал со ступени на ступень. Прежде чем поставить ногу на очередную ступень, Ректор как следует ощупывал ее мыском. Гиньоль обратил внимание, что на ногах у Бей-Брынчалова короткие сапожки из мягкой кожи. – Генерал подарил Академии свою коллекцию холодного оружия после того, как ушел в отставку с должности Первого Смотрителя гигантских червей.

– Я не знал, что Берт Мюзиль тоже заканчивал Центральную Академию.

– Нет, Мюзиль не получал образование в этих стенах. Но он был и остается горячим сторонником просвещения. Ежегодно, в годовщину основания Академии, он приходит к нам, чтобы выступить перед первокурсниками. У него очень прочувственные и вдохновляющие речи.

– Сколько же ему сейчас лет?

– Точно не скажу. За сто – это наверняка. Но он все еще выглядит бравым воякой!..

Ректор тряхнул сжатой в кулак рукой и при этом чуть не упал с лестницы.

Дабы не случилось непоправимого, Гиньоль решил более не отвлекать Ректора от главного. Иначе их спуск мог либо затянуться на неопределенный срок, либо внезапно прерваться.

«Рано или поздно всему приходит конец» – так говорил Император Ху. Спустившись наконец по лестнице, они пересекли центральный холл и вышли на широкое парадное крыльцо. Мраморные ступени, резная каменная балюстрада и небольшая золоченая скульптура, запечатлевшая самый напряженный, решающий момент схватки льва с единорогом.

Вид с крыльца открывался изумительный. Корпуса Академии, разбросанные среди высоких зеленых холмов и невысоких гор, поросших соснами и кипарисами, были похожи на волшебные замки, в которых живут таинственные существа из Малого мира. Центральная Ось, будто полупрозрачный радужный столб, возносилась над срезанной вершиной Голгофы и исчезала в ослепительном сиянии додекаэдра. Небо сияло пронзительной голубизной, не замутненной ни единым облачком, пусть хотя бы размером с носовой платок. Легкий ветерок нес с гор прохладу. Мир-На-Оси был прекрасен, как мечта, и казался нереальным, как сон. Хотя это только так говорится. На самом деле, что может быть реальнее сна?

– Куда мы направляемся? – поинтересовался Гиньоль.

– Туда!

Палец Ректора, увенчанный тяжелым перстнем с рубином, довольно-таки искусно декорированным под старину, оказался нацелен в такую даль, что Гиньолю сделалось не по себе. Да, конечно, погода и природа располагали к пешей прогулке. Однако, учитывая скорость перемещения Ректора, следовало задаться вопросом, а успеют ли они вернуться засветло?

Однако сам Бей-Брынчалов сомнений не ведал!

– Иди-ка сюда! – подозвал он студента.

И, как только тот оказался рядом, ухватился за его руку и начал спускаться по парадной лестнице. В которой, по счастью, было всего-то одиннадцать ступеней.

Оказавшись внизу, Ректор не последовал в указанном им же самим направлении, а двинулся в обход крыльца.

Под широким крыльцом был спрятан небольшой гараж, вмещающий трех велорикш. Видимо, это был обычный способ передвижения Ректора по территории Академии. Гиньоль улыбнулся. Ему нравился такой подход к решению повседневных проблем. Просто, рационально и экологично.

Кряхтя и что-то недовольно бормоча, Ректор подтянул полы мантии и кое-как взгромоздился в зеленую коляску с тентом. Гиньоль остановил свой выбор на синей. Сопровождавший их студент направился было к третьей коляске, но ректор резко осадил его:

– Останься!

Студент покорно сложил руки на груди и понуро склонил голову.

Одетые в серые размахайки орки-рикши заняли свои места, надавили на педали, и коляски дружно, бок о бок, выкатились из гаража.

Закинув ногу на ногу и поигрывая рукояткой трости, Гиньоль откровенно наслаждался прогулкой. Он уже не жалел о том, что посетил Академию. Даже если дело, которое собирался предложить ему Ректор, яйца выеденного не стоило, что ж, можно было считать, что Гиньоль в кои-то веки взял себе выходной. Послушал лекцию, прокатился в коляске по дивным живописным местам, подышал свежим горным воздухом. В конце концов, даже у человека, занятого решением любых проблем, должны быть выходные.

– Эй, ты! – окликнул Ректор своего рикшу.

И когда тот обернулся, протянул ему плеер с наушниками. Орк, видимо, был в курсе, что нужно делать. Не задавая вопросов, он надел наушники и включил музыку.

– Господин Гиньоль, передайте своему рикше плеер. Он в кармашке слева от вас.

В самом деле, в кармашке слева от сиденья лежал плеер и наушники. Гиньоль передал их орку, и тот живо погрузился в волшебный мир музыки.

– Ну вот, – улыбнулся Ректор. – Теперь можно спокойно поговорить.

– Куда мы направляемся? – поинтересовался Гиньоль.

– Терпение, друг мой. Мы скоро будем на месте.

– Может быть, пока мы едем, вы введете меня в курс дела?

– Я хочу, чтобы вы все увидели собственными глазами. Понимаете, мне кажется, что в данном случае очень важно первое впечатление.

– А вы уверены, что дело стоит того, чтобы за него взялся именно я?

– Вне всяких сомнений, господин Гиньоль. Иначе бы я не стал вас беспокоить.

Гиньоль озадаченно постучал пальцами по рукоятке трости.

– Дело касается вас лично, господин Ректор? – решил зайти он с другого бока.

Но и тут не получилось.

– И меня лично, и всей Академии.

Гиньоль посмотрел вверх, на вершину Голгофы, подножие которой они как раз огибали. Центральная Ось смотрелась отсюда особенно эффектно. Абсолютно нереальный столб света, возносящийся к небесам.

– Как близко можно подойти к Центральной Оси? – спросил Гиньоль.

– К ней невозможно приблизиться, – ответил Ректор.

– Как это?

– Еще никому, ни одному человеку не удалось взойти на Голгофу.

– Почему?

– Какая сторона вопроса вас интересует, теоретическая или практическая?

– И та и другая.

– В настоящий момент общепризнанной является теория, гласящая, что Центральную Ось, будто кокон, обволакивает пространственно-временной хаос. Это область, в которой пространство одномерно и n-мерно одновременно, а прошлое и будущее составляют настоящее. Практически это означает, что, сколько бы вы ни карабкались на вершину Голгофы, вы никогда там не окажетесь.

– Занятно.

– Еще бы.

Обогнув Голгофу, они миновали спортивный городок с футбольным полем, двумя открытыми бассейнами, теннисным кортом и площадкой для легкоатлетических соревнований.

– У вас замечательная спортивная база, – заметил Гиньоль.

– Вы знаете, сколько чемпионов вышло из Академии? – лукаво улыбнулся Ректор.

– Нет, – покачал головой Гиньоль.

– Я тоже, – развел руками Ректор. – Я даже в юности не увлекался спортом. Но у нас замечательные тренеры.

Далее располагались корпуса сельскохозяйственного факультета, окруженные садами, огородами, теплицами, дендрариями, розариями, скотными дворами и свинофермами. Здесь был даже сад камней, произведший на Гиньоля неизгладимое впечатление. Он решил, что при первом же удобном случае непременно сюда вернется, чтобы сполна насладиться аскетической красотой и совершенством пустоты этого удивительного места.

Широкая гравиевая дорожка привела их к подножию еще одной горы, пологой, но высокой. Узкая тропа, ведущая наверх, змеей извивалась по склону, то ныряя в заросли кипарисов, то скрываясь среди камней, то прячась за небольшими, как будто специально устроенными водопадами.

– Это Лысая гора, – объяснил Гиньолю Ректор. – Излюбленное место прогулок студентов и преподавателей Академии. Нередко мы проводим на вершине горы – она большая и плоская, как стол, – различные наши неофициальные, но традиционные мероприятия. Мы блюдем традиции Академии, господин Гиньоль!

– Какие, например?

– Например Ночь живых скорбцов. Или – День слепого ананаса. Час вервольфа – ровно в одиннадцать утра! Вечер памяти всего, что не забыто. Орочи пляски под звездным небом. Эльфийские заунывные песнопения в дыму костров. Гномьи чемпионаты по небылицам и байкам. Кроме того, у каждого факультета есть свои собственные знаменательные дни и даты, которые они любят отмечать на Лысой горе.

– И вы им это позволяете?

– Конечно. Нужно только заблаговременно подать прошение, составленное по соответствующей форме, и получить разрешение.

– Значит, с народной тропой на гору все в порядке?

Ректор подался в сторону Гиньоля. Коляска, в которой он сидел, опасно накренилась. Находившему за рулем велорикше пришлось проявить все свое мастерство, чтобы избежать аварии.

– Вам уже что-то известно?

– О чем? – искренне удивился Гиньоль.

Ректор откинулся на спинку сиденья и большим розовым платком вытер покрывшееся испариной лицо.

Гиньоль снова посмотрел на выющую по склону тропинку. Резвый студентик взбежит на гору за полчаса, малость запыхавшись по пути. А вот сколько же времени уходит у Ректора, чтобы достичь вершины? По узкой тропинке велорикша не проедет. Или главу Академии доставляют наверх в паланкине? Собственно, только об этом он и подумал, когда Ректор принялся рассказывать о развеселых празднествах на вершине Лысой горы.

Гиньоль бросил косой взгляд в сторону Ректора, но спрашивать ни о чем не стал. Чрезмерным любопытством Гиньоль не страдал. Человек его специальности – а таких совсем немного, быть может, он вообще единственный в своем роде, – в общении с клиентами не должен проявлять любопытства. В конце концов, клиенту все равно придется рассказать ему все. Врать специалисту по решению проблем – это все равно что пытаться обмануть лечащего врача. Неправильно поставленный диагноз наверняка скажется на исходе операции. Для тех же, кто этого не понимал, в договоре, который Гиньоль предлагал подписать своим клиентам, имелся пункт, в соответствии с которым вся ответственность за ошибки, связанные с отказом клиента предоставить полную и достоверную информацию по любому вопросу, пусть даже, по его мнению, и не связанному с делом, за которое брался Гиньоль, полностью ложилась на клиента.

Как и ожидал Гиньоль, ситуация несколько прояснилась, когда, обогнув купу тутовника – Гиньоль, не удержавшись, сорвал пару спелых, необыкновенно ароматных и сладких ягод, – они оказались у начала тропы, ведущей на Лысую гору. Вход на тропу был закрыт высокими дощатыми щитами с угрожающими надписями:

«Вход воспрещен!!!»

«Опасно для жизни!!!»

«За нарушение – немедленное отчисление!!!»

Не хватало разве что только традиционного и всенародно любимого:

«Осторожно! Злая собака!!!»

Хотя что-то подсказывало искушенному наблюдателю, что собака поблизости все же имелаась.

– Это и есть ваша проблема? – спросил Гиньоль.

– Нет, – не глядя на него, буркнул Ректор. – Это щиты, закрывающие вход на тропу.

Щиты были сколочены кое-как, на скорую руку. А краска, которой были сделаны угрожающие надписи, местами еще не высохла. В чем бы ни заключалась проблема – она пряталась за этими щитами. Гиньоль готов был поспорить, если бы нашелся желающий. Но у велорикш уши были заткнуты наушниками. А Ректор явно не был расположен к тому, чтобы заключать пари. Тем более что ему-то тайна щитов была доподлинно известна.

Гиньолю стало любопытно, что же может приключиться на тропе, ведущей к вершине невысокой горы, по которой ежедневно поднимаются и спускаются сотни, если не тысячи студентов? Вернее, что это за случай на тропе, требующий незамедлительного вмешательства специалиста по решению любых проблем? А между тем ситуации, когда клиентам удавалось его заинтриговать, случались крайне редко. Как правило, проблемы представляются неразрешимыми лишь тем, кому кажется, что от их решения зависит их собственная жизнь. Ну или, по крайней мере, дальнейшая судьба. Заметьте – в девяти случаях из десяти им только так кажется. Виной всему депрессия, стресс, шок, цейтнот, цугцванг... Да все что угодно! Вплоть до дождя за окном, из-за которого у клиента начинается мигрень. Или соседского кота, чье появление вызвало приступ аллергии. Специалист же по решению любых проблем видит и оценивает ситуацию непредвзято. И почти сразу находит выход из неразрешимой для клиента ситуации.

Но дело на этом не заканчивалось. Скорее даже наоборот – с этого оно лишь начиналось. Клиент за свои деньги был достоин большего, нежели простой констатации факта, что его проблема решена. И Гиньоль устраивал небольшое или большое – все зависело от счета, который был готов оплатить клиент, – представление. Включающее в себя неплохую артистическую игру, умелые спецэффекты, напряженный сюжет, драматическую развязку и, конечно же, счастливый финал.

Однако Лысая гора, похоже, была готова преподнести Гиньолю сюрприз. Во всяком случае, он очень на это надеялся. Время от времени ему требовалась хорошая встряска. Иначе ведь, погрязнув в рутине, можно было и вовсе потерять квалификацию.

Однако, к величайшему удивлению Гиньоля, они, не останавливаясь и даже не притормозив, миновали угрожающие щиты, закрывающие проход на горную тропу. Дорожка, по которой они ехали, сделалась более узкой, и велорикшам пришлось перестроиться. Теперь они катились не бок о бок, а один за другим. Вперед, конечно же, выдвинулась зеленая коляска Ректора. Ветки деревьев цепляли борта колясок и нависали сверху зеленым пологом. Лучи додекаэдра лишь временами проскальзывали сквозь густую листву. Казалось, что вскоре дорожка превратится в тропинку, которая спустя еще какое-то время затеряется в густой, непролазной зелени.

Гиньоль чувствовал зуд в коленках. Происходящее все больше нравилось ему.

Что может быть сокрыто в лесной чаще? Труп жуткого мутанта, появившегося на свет в результате чудовищного эксперимента в генно-инженерной лаборатории? Живой зубоскал,

выловленный в Лирнейских болотах – до них отсюда рукой подать – и посаженный на цепь какими-то шутниками? Останавливающий время камень-перевертыш, на котором кто-то из первокурсников написал добытыми из желудочного мешка кракена несмывающимися чернилами «Ректор – жирная свинья»?..

Гиньоль был полон самых сладких и мрачных предвкушений. Поэтому, когда навстречу им из чащи выскочило жуткое человекообразное чудище и с ревом, брызжа слюной, бросилось к коляске Ректора, Гиньоль, не задумываясь, выпрыгнул на ходу из своей коляски, легко выдернул шпагу из трости и кинулся навстречу монстру.

– Нет! Нет! Господин Гиньоль! Остановитесь!.. – перевесившись через край коляски, замахал на него розовым платком Бей-Брынчалов. – Назад! Назад, Гарик!.. Плохой Гарик! Плохой! – Это он уже отгонял похожее на недоразвитого тролля чудище.

– Э... – растерянно замер на месте Гиньоль. – Так вы... знакомы?

– Это – Гарик. – Ректор постучал велорикшу по плечу и, когда тот обернулся, жестом велел остановиться. – Он присматривает за фуникулером. – Открыв дверцу, Бей-Брынчалов вывалился из кабинки. – Идемте, господин Гиньоль, – сделал он приглашающий жест рукой, сжимающей платок. – Гарик, вперед!

Странное существо, которое Гиньоль поначалу принял за тролля, неловко, раскинув руки в стороны, переваливаясь с боку на бок, потопало вперед, в ту самую сторону, куда все они, судя по всему, направлялись. Гиньоль отметил, что на него надета старая, драная профессорская мантия. А в правой руке Гарик сжимал сухой длинный сучок.

– При первой встрече Гарик производит не слишком приятное впечатление, – ободряюще улыбнулся гостю Ректор.

– Да уж. – Гиньоль спрятал шпагу в трость. – Удивительное создание.

– На самом деле это совершенно безобидное существо, не способное причинить кому-либо вред.

Деревья будто разошлись в стороны, и они оказались на опушке, прилегающей к склону Лысой горы. На нем разместились небольшой домик служителя, похожий на дощатую времянку с затянутыми целлофаном оконными проемами, и площадка фуникулера с веселеньким красно-желтым вагончиком.

– Вот! – гордо улыбнулся Бей-Брынчалов. – Для особо важных персон!

Весьма демократично, отметил про себя Гиньоль. Студенты поднимаются по тропе на своих двоих. А высший преподавательский состав – на фуникулере, спрятанном в лесу. Наверняка о нем все знали, однако неравенство не назовешь вопиющим, поскольку в глаза оно не бросается. Таким образом, явление Григория Кирилловича Бей-Брынчалова студентам на вершине Лысой горы было сродни чудесному вознесению. Игра, которая всех, по-видимому, устраивала. Ректора-то уж точно.

Гарик подбежал к вороту, через который был протянут трос фуникулера, и, что-то невнятно бормоча, принялся колотить по нему прутиком.

– Что это оно... существо, в смысле, делает? – спросил Гиньоль.

– Гарик присматривает за фуникулером, – улыбнулся Ректор. – Вообще-то, его зовут Игорь. Игорь Горшков. Но мы называем его Гариком. Ему нравится это имя. Правда, Гарик?

Услыхав свое имя, Гарик обернулся, и Гиньоль смог как следует его рассмотреть. Худое, с впалыми щеками лицо Гарика было покрыто клочьями щетины. По-видимому, он обстригал ее ножницами. На длинном крючковатом носу висели круглые очки в широкой пластмассовой оправе. Над левой бровью багровел кривой уродливый шрам, похожий на упавшую набок готическую S.

– Что у него с головой?

– Он идиот, – все так же с улыбкой ответил Ректор.

Должно быть, он любил идиотов.

– Это я понял, – кивнул Гиньоль. – Откуда у него шрам на лбу?

– Односторонняя лоботомия.

– Односторонняя?

– Врачи решили, что этого будет достаточно.

Гарик пробурчал что-то невнятное и махнул прутиком в направлении стоявших неподалеку Ректора и Гиньоля.

– Отлично, Гарик! – дважды хлопнул в ладоши Ректор. – Сделайте то же самое, – велел он Гиньолю. – Иначе Гарик обидится.

– Замечательно! – зажав трость под мышкой, Гиньоль похлопал в ладоши.

Гарик пустил слюну изо рта, повернулся к вороту и вновь принялся охаживать его прутиком.

– Идемте, – кивнул Ректор. – Гарик готов.

Они поднялись на помост и вошли в вагончик фуникулера. Внутри находились две небольшие скамеечки, тянущиеся вдоль бортов. Ректор сел на одну из них. Гиньоль занял место напротив.

– Гарик! – взмахнул розовым платком Бей-Брынчалов. – Сотвори чудо! Вознеси нас на вершину горы!

Идиот восторженно зарычал и принялся крутить ворот, от которого не тянулось ни единой передачи. Однако ж скрипел ворот нещадно. Видимо, услышав этот скрип, из окошка домика выглянул гном. Увидев Ректора в вагончике фуникулера, гном приветливо помахал рукой и скрылся в доме. Почти сразу же включился привод, и, медленно набирая скорость, вагончик пополз в гору.

– Что с ним приключилось? – спросил Гиньоль, глядя на старательно крутящего пустой ворот Гарика.

– Грустная и одновременно загадочная история. – Откинувшись на спинку, Ректор помахивал перед лицом розовым носовым платком. Не то мух отгонял, не то прохладу ловил. – Несколько лет назад Игорь Горшков учился на магическом факультете. Сами знаете, все попытки поставить магию на службу человечеству по большому счету ни к чему не привели. Опыт, который невозможно воспроизвести, фактически ничего не стоит. Ну а после того как был создан универсальный преобразователь силы Шмица-Шульмана и грянула научно-техническая революция, интерес к магии и вовсе пропал. Она стала никому не нужна. Магический факультет в нашей Академии был сохранен как дань традиции. Ежегодно мы с трудом набираем для него минимальное число студентов из тех, что провалили экзамены на других факультетах. Игорь был не из таких. По словам преподавателей, он был буквально одержим магией. А одержимость, как известно, ни до чего хорошего не доводит. Уже на втором курсе преподаватели и студенты стали замечать странности в его поведении. Он уверял, что является потомственным магом, что его родители пали смертью храбрых в борьбе с великим злом и теперь пришла его пора встать на защиту всех живущих. В общем, нес всякую околесицу. Поначалу над ним только посмеивались. Но потом он выстругал себе палку из ученической линейки и стал повсюду с ней ходить, утверждая, что это волшебная палочка. Он тыкал ею в лицо тем, кто над ним смеялся, и выкрикивал какую-то белиберду, которую сам считал заклинанием. Было несколько неприятных инцидентов, когда на лицах учеников оставались ссадины или оказывались повреждены глаза. Игорь перестал есть. Вместо этого он садился перед пустой тарелкой, махал над ней своей волшебной палкой, произносил заклинание и делал вид, будто что-то ест. Одноклассники подкармливали его, предлагая то пирожок, то яблоко, то шоколадку. Иначе бы он совсем загнулся. Но на четвертом курсе дело приобрело совсем дурной оборот. Игорь перестал мыться и стал называть себя Гарри. Он пропадал ночами в лесу, уверяя, что там живут драконы, единороги и грифоны. Орков-шенгенов, работающих уборщиками на факультете, Игорь ловил и выбрасывал в окна, утверждая, что таким образом освобождает их. Но

самое ужасное – он сменил свою волшебную палочку на бейсбольную биту. После того как в результате магических экзерсисов Гарика несколько студентов получили переломы – кстати, он сам пытался их тут же вылечить с помощью все той же волшебной биты, – нам пришлось обратиться к специалистам. Гарик был помещен в сумасшедший дом. После тщательного и всестороннего обследования консилиум врачей пришел к единодушному выводу, что единственным спасением для пациента является односторонняя лоботомия, которая сделает из Гарика всего лишь полуидиота, но при этом и агрессивность его снизится ровно вдвое. Блестящее решение. Но для того, чтобы воплотить его в жизнь, требовалось согласие родственников. Когда мы подняли архивы, то выяснили, что родителей Гарика на самом деле нет в живых. Они погибли во время отдыха на острове Краков, когда там внезапно произошло извержение вулкана Краковау. Помните, об этом писали все газеты? Других родственников у Игоря не оказалось. И вообще непонятно было, кто привел его в Академию. В комнате, где он жил, нашли только старое чучело совы и именную метлу – на ее рукоятке была приделана медная бирка с его именем. Вот и все. В общем, прикинув все за и против, Ректорат решил, что Академия возьмет на себя опеку над несчастным идиотом. После того как Гарику была сделана лоботомия, учиться он, понятное дело, уже не мог. Вот мы и приставили его к фуникулеру. И, надо сказать, он отлично справляется со своей работой. Правда, все еще считает, что делает это с помощью магии.

– И родственники Игоря так и не объявились?

– Пару лет назад явился какой-то здоровенный бородатый мужик. Уверял, что он приходит Игорю каким-то там очень дальним родственником, тоже называл его Гарри и нес какую-то чушь про борьбу со злом. Поскольку никаких документов он предъявить не смог и вел себя при этом весьма агрессивно, нам пришлось выставить его. Кто знает, может быть, он хотел забрать Гарика, чтобы потом продать его в подпольную клинику по пересадке органов? Слышали, наверное, бывают такие случаи...

Вагончик ударился о стопор и остановился.

Ректор и Гиньоль вышли на площадку.

Улыбчивый бородатый гном приветливо помахал им рукой, высунувшись из кабинки дежурного. Приезжающие в Централь гномы, как и орки, частенько брались за скучную, малооплачиваемую работу. И выполняли ее, надо сказать, старательно и на совесть. В отличие от орков совесть у гномов все же имелаась. Хотя и не совсем такая, как у людей.

Подойдя к обнесенному деревянными перилами краю фуникулерной площадки, Гиньоль окинул взглядом окрестности.

Лысая гора вполне оправдывала свое название. На ее вершине не было ничего, кроме травы. Для праздников были устроены пять больших кострищ, обложенных камнями, – дрова для костров, должно быть, доставлялись на фуникулере или, что скорее всего, студенты таскали их на своих спинах, – и большая открытая сцена.

Посреди этой огромной зеленой поляны лежал большой черный рояль. Именно что не стоял, а лежал. Ножками вверх.

– Ну, что скажете, уважаемый? – спросил Ректор.

– О чем? – не понял Гиньоль.

– О проблеме, которую вам предстоит решить.

Гиньолю показалось, что голос Бей-Брынчалова звучит заметно бодрее, чем когда они только встретились. Как будто с вызовом даже. Конечно, он уже был уверен, что переложил свою проблему на чужие плечи. В конце концов, ведь именно для этого он и пригласил специалиста по решению любых проблем.

– А в чем проблема? – непонимающе посмотрел на Ректора Гиньоль.

Глава 5

Едва за Бургомистром захлопнулась дверь, как Мара с размаху влепила мужу звонкую затрепину.

– Ты что, совсем из ума выжил! – Шенгенка еще раз заехала мужу по затылку. – Хочешь, чтобы нас на улицу выставили! – Еще одна оплеуха, с другой руки. – Собрался всех нас по миру пустить!

Рука у шенгенки тяжелая, ладонь – широкая. Если как следует припечатает – мало не покажется. А разошлась Мара не на шутку.

Алик знал свою жену лучше, чем кто-либо. И понимал, что с ней сейчас спорить не стоит. Лучше дать ей пар выпустить. Пускай покричит, руками помашет – от него-то не убудет. Он за долгую счастливую супружескую жизнь от женушки своей и не такое видывал. Бывало, что и кое-чем потяжелее по затылку получал. Хорошо, что шерсть на голове густая – иначе бы шрамы были видны. А голая рука – это так, баловство. Детская забава. Как орки говорят, бьет – значит любит. Он лишь голову в плечи поглубже втягивал да локтями для порядка прикрывался. Порой покрикивал на жену – опять же только в силу привычки.

– Кончай!.. Чего творишь!.. Дура чумазая!.. Я тебе покажу! Чумичка недоделанная!.. Отстань, говорю!.. Тварь необразованная!..

– Что? Необразованная?.. Ты где ж, нечестивец, слов таких нахватался?

Бац! Бац!

Первый удар Алик успел парировать. Но второй пришелся точно в цель. Орк почувствовал, как в голове у него запели серебряные колокольчики и, вторя им, зачирикали сладкоголосые кенары.

Увидев блаженное выражение на лице мужа, Мара поняла, что с него пока довольно. Какой смысл колотить дурня, ежели он, все одно, не понимает, что происходит?

– А тебя кто просил соваться? – Шенгенка развернулась к юному орку-киномеханику. В Центrale он именовал себя Аскольдом. Маре он доводился племянником. Других родственников у Аскольда не было. В смысле, не то чтобы вовсе не было, но никто не желал его признавать за родственника. Поэтому Мара присматривала за ним. А Аскольдик боялся ее почти как родную маму. – Ты какого лешего встрял? Умник, об угол шарахнутый!

– Я... – глазки Аскольдика испуганно забегали по сторонам, – понимаете, тетя Мара...

– Не понимаю, змееныш! – рыкнула Мара и двинула Аскольдика кулаком в ухо, так что у того голова мотнулась из стороны в сторону, будто боксерская груша. – Ты какого лешего на Студнева наговаривать начал?

– Я не наговаривал, – придавленно пискнул Аскольд. – Он взаправду вокруг рояля вертелся. Весь вечер.

– Конечно вертелся, – вставила вторая шенгенка по имени Жанна. – На рояле этом никто не играл с тех пор, как его сюда притащили. А тут вдруг музыкант, тот самый, что рояль этот Городскому Совету подарил, Джерри Ли Льюис, желание изъявил сыграть на нем для господ ратманов.

– Вообще-то, папаша Студнева этому Джерри приличный кусок за концерт отвалил, – добавил орк по имени Гена.

– Откуда вы все это знаете? – удивленно взмахнула руками Мара.

Она была в растерянности, поскольку не знала, чья сейчас очередь получать тумак. Смотрела она при этом почему-то на орка по имени Жора, единственного, кто за все время не проронил ни слова. Жоре от этого становилось не по себе.

– Откуда, я вас спрашиваю? – рявкнула Мара.

Что любопытно, между собой, в отсутствие посторонних, орки-шенгены разговаривали на хорошем человеческом языке. Для них это не составляло труда. Скорее уж, трудно было притворяться, что они его с трудом понимают. Но это было удобно. Так с них и требовали меньше, и не особо стеснялись высказываться в присутствии обслуживающего персонала, мало чем отличающегося от мебели. Собственно, именно поэтому вопрос Мары показался остальным более чем странным. То, что она его задала аж дважды, можно было объяснить лишь тем, что кровь ударила шенгенке в голову, поэтому она плохо соображала. О том, что вопрос мог оказаться риторическим, никто не подумал – для орков это уже было слишком.

– Тетя Мара, – шепотом позвал шенгенку Аскольдик. – Об этом уже неделю все только и твердят.

– Поэтому-то Бургомистр и велел с пианина...

– С рояля, – поправила Мара.

– Да свист с ним, хоть бы и с рояля, – обиженно шмыгнул расквашенным носом Алик. – Да только велел Бургомистр пыль с инструмента убрать. Как следует, значит, чтобы ни соринки. И пол велел натереть. Чтобы блестел, значит, как зеркало.

– А ты и расстарался, – зло оскалилась на мужа шенгенка.

– Ну да, – кивнул Алик. Чувствуя, что грозу пронесло, он даже рискнул заискивающе улыбнуться. А то ведь можно было и без обеда остаться. С Мары станется! – Я ведь как лучше хотел!

– А получилось как всегда, – хохотнул Аскольдик.

И тут же получил звонкую оплеуху. С комментариями:

– Алик – старый дурень! А ты – дурак молодой! Вырастешь – дурнее его станешь!

– Это почему же? – обиженно потер ушибленную скулу Аскольд.

– Зачем ты ратмана Студнева к этому делу приплел?

– Чтобы на нас никто не подумал! Пока будут с ратманом разбираться, мы – вне подозрения.

– Мы и так вне подозрения, – мрачно буркнул Гена. – Мы ведь орки – зачем нам рояль?

– Главное, чтобы улик никаких не было, – полушепотом добавила Жанна.

С тоской посмотрев на родственников, Мара удрученно головой качнула.

– Ой, дураки... Вы что же, думаете, кто-то обвинит ратмана в том, что он из ратуши рояль украл?

– Нет, конечно! – улыбнулся Жора. – Кто же посмеет обвинять ратмана в воровстве! Ведь если сегодня обвинят одного, так завтра, выходит, можно обвинить другого. А послезавтра – всех остальных. Эдак и до самого Бургомистра добраться можно. А что это будет означать?

– Что?

– Крах всех устоев! Моральный и нравственный кризис общества! Распад, анархия и деградация! Расслоение всех слоев! Нагноение всех гнойников!... Короче – всем хана!

– Значит, Студнева обвинять в воровстве не станут?

– Конечно нет. Но все будут знать, что это сделал он. А раз так, то к нам – никаких претензий.

– К тому ж у Студнева столько денег, что он может и новый рояль у этого Льюиса купить.

– Деньги не у него, а у его папаши.

– Да какая разница!

– Нет, – покачал головой Гена. – Новый рояль Студнев покупать не станет. У ратманов так не принято. Им запахло собственные деньги на общественные нужды тратить. Вот пропить, прожрать – это другое дело.

– Можно еще и на баб потратить, – тихо шепнул Аскольд.

– Я те ща покажу баб! – замахнулась на племянника Мара. – Таких баб тебе покажу, что мало не покажется!..

Шенгенка почувствовала, что нить разговора ушла куда-то не в ту сторону. И вела теперь уже совсем не к тому, к чему она изначально клонила. Поэтому, пока еще не поздно, нужно было расставить все апострофы над рунами.

– Ратман Студнев, конечно, негодяй и вор. – Мара уперла кулаки в крутые бока и сурово поглядела на сжавшегося под ее взглядом в комок шерсти мужа. – Однако ж рояль он не крал!

Последние слова она буквально выкрикнула в лицо Алику. С рыком и волчьим оскалом.

Нормальный человек после такого мог бы стать зайкой. Но Алик был орком, и он это пережил. Чай, не впервой. Орки – они вообще живучие. Алик только утерся, посмотрел на жену и спросил:

– Ну и что? С него, чай, не убудет. Одним роялем больше – одним меньше...

За что схлопотал еще одну звонкую оплеуху.

– Хватит драться-то! – рыкнул на жену шенген.

Во всем должен быть свой порядок. Есть время получать затрешины и время затрешины раздавать. Жена, понятное дело, имела повод малость побеситься. Основания на то имелись – Алик это готов был признать. Не особо серьезные, но все же. Однако даже самая драчливая жена должна понимать, что нельзя пренебрегать таким понятием, как чувство меры. Иначе может случиться непоправимое.

Мара была умной шенгенкой, а потому не стала гнуть палку сильнее, чем позволял ее запас прочности.

– Рассказывай, – с грустью посмотрела она на мужа. – Мигрень ты моя хроническая.

– А чего тут рассказывать-то? – Уяснив, что его более не станут бить, Алик приободрился, усмехнулся и подтер рукавом нос. Орел, а не мужчина! – Все было задумано как надо. Хозяин чего велел-то? В зале все как следует прибрать. Хозяин – мужик толковый, правильный. Ну вот я и решил для него постараться. Для кого бы другого – ни за что б не стал! А для Бургомистра нашего дорогого – со всем душевным радушием...

Алик мог еще долго заливаться соловьем по поводу щедрот, любезностей, благонравности и прочих восхитительных качеств доброго хозяина. Поэтому Мара сочла за должное вмешаться.

– И что ты на этот раз учудил, чудовище?

Она так и сказала «на этот раз». Из чего всякий внимательный слушатель мог сделать вывод, что этот прокол у Алика не первый. А потому шенген знал, как следует себя вести в такой ситуации.

Алик опустил голову, стыдливо потупил взор, спрятал руки за спину и негромко, скромно так, произнес:

– Кадавра.

Мара подалась вперед, как будто какой увалень что есть мочи толкнул ее в спину.

– Что?

Алик быстро глянул на жену из-под насупленных бровей.

– Кадавра, говорю, – и на всякий случай поинтересовался: – Ты что, оглохла?

– Нет, – медленно, с затаенной угрозой покачала головой Мара. – Я-то не оглохла. А вот ты, должно быть, совсем из ума выжил! Зачем тебе кадавр понадобился, ирод ты стоеросовый?

– А как бы я иначе пол в зале натер? – Алик, должно быть, вспомнил, что лучшая защита – это нападение, и тоже повысил голос. – Там же этот рояль огромный стоял!

– Рояль можно было в сторону сдвинуть!

– В сторону? Тогда бы на паркете полосы остались!

– Он прав, – быстро кивнул Жорик. – Прав, остались бы полосы.

Только произнес он это так тихо, что Мара не услышала.

– И что же ты своему кадавру велел сделать?

– Велел вынести рояль из зала!

– И он?..

– И он вынес!

– Куда?

– Понятия не имею, – немного растерянно пожал плечами Алик. – Я его больше не видел.

– То есть как это не видел?

– А вот так! – Алик демонстративно глянул сначала в одну сторону, затем в другую, а потом еще зачем-то и ногу поднял. – Где кадавр? Нету кадавра!

– Нет кадавра – нет и проблем, – заметил склонный к философским умозаключениям Гена.

– Так, хорошо. – Мара явно не была склонна соглашаться с выводами Гены, она лишь настраивала себя на нужный лад, прекрасно понимая, что разруливать тупиковую ситуацию, созданную надотепой-муженьком, как всегда, придется ей самой. – Теперь скажи мне точно, слово в слово, что ты приказал кадавру?

Алик сосредоточенно помассировал пальцами складки на лбу.

– Ну, я так сразу и не вспомню...

– А по башке? – предложила посильную помощь Мара.

– Хорошо, я постараюсь, – тут же изменил тональность речи Алик. – Значит так, – он несколько раз щелкнул пальцами, как будто стараясь поймать нужный ритм. А затем быстрой скороговоркой выдал: – Я сказал ей, возьми этот чертов ящик и оттащи куда подальше. Да, именно так!

Справившись с задачкой, поначалу казавшейся ему невыполнимой, Алик счастливо улыбнулся.

Но нет, Мара не разделяла его восторгов.

– Во-первых, ты понимаешь, что таким образом формулировать задание для кадавра может только полный идиот?.. Хотя о чем я спрашиваю? Конечно же, нет!

– Ну почему же? – обиделся Алик.

– Потому что если бы ты это понимал, то никогда бы не отдал кадавру такого идиотского приказа!

– Логично, – подумав, согласился Алик.

– Второе. «Я сказал ей» – я правильно тебя поняла?

– Ну, это смотря в каком смысле, – задумчиво закатил глаза Алик.

– Кадавр был женского рода?

– Во всяком случае, мне так показалось... Или, может быть, мне хотелось так думать.

– Из чего ты его создал?

– Из старого манекена, что валялся в подвале. Он был никому не нужен. Точно. Я спрашивал у хозяина – он велел мне ее сжечь.

– Так это был женский манекен?

– Возможно, – попытался уйти от прямого ответа Алик.

– Точно, женский! – улыбнулся Гена и, подняв обе руки, изобразил то, что именно давало ему право признать манекен женской копией.

Мара живо представила себе эту картину – манекен с четко прорисованными женскими формами среди ночи тащит из Желтого Дома рояль. Интересно, что могли подумать видевшие ее честные граждане Централя? Хотя, конечно, все честные граждане ночью спят. Если бы кто-то из них видел среди ночи кадавра с роялем, то в городе уже поднялся бы шум. А между тем в утренних новостях, которые Мара слушала, готовя завтрак, не было ничего сенсационного. Ну разве что только хозяин филателистской лавки на площади Звезды непонятно с чего вдруг повесился. Так с кем не бывает?

– Вы ее хотя бы одели? – строго посмотрела Мара сначала на главного злоумышленника, а затем на его подельника.

Те быстро переглянулись. Улыбнулись как-то странно – Маре это совсем не понравилось. И дружно кивнули.

Глава 6

От Академии до Первого круга Централя монорельсом чуть больше часа.

Гиньолю повезло. Необремененный багажом, он едва ли не первым выскочил на привокзальную площадь и поймал одно из немногочисленных такси. В противном случае пришлось бы еще с полчаса трястись в переполненном трамвае. А так он уже к ужину был дома. Улица Дзуйхицу – это уже почти на границе Первого и Второго круга. Зато здесь не в пример тихо и спокойно. И трамвайная остановка всего в двух минутах ходьбы от дома. Такси, что и говорить, штука удобная, но оно не всегда оказывается там, где нужно. А трамвай ходит четко по расписанию.

Взбежав по невысокой лесенке, Гиньоль, как всегда, с чувством затаенной гордости глянул на овальную фарфоровую табличку, которую он сам выбрал в мастерской – дом два, дробь двадцать один, – распахнул дверь и радостно улыбнулся, услышав мелодичный перезвон любимого колокольчика.

– Я дома! – возвестил Гиньоль, переступая порог.

В дом на улице Дзуйхицу Гиньоль перебрался без малого одиннадцать лет назад. Тогда он только-только начинал свое дело, которое, по первому времени, даже ему самому казалось в некоторой степени необычным, и ему требовалось помещение под офис. Ну а раз уж подвернулся такой замечательный дом в не менее замечательном местечке, Гиньоль решил и сам сюда перебраться. Чтобы не бегать на работу каждый день, а все свое время посвящать работе. Благо работа была интересная, захватывающая и порою опасная. Что еще требуется для того, чтобы почувствовать себя живым и здоровым мужчиной в полном расцвете сил?

Гиньоль кинул трость в подставку, сделанную из задней ноги пятирога, и прошествовал в расположенную на первом этаже гостиную.

Поначалу Гиньоль снимал только два верхних этажа. На четвертом, среди подсобных помещений, располагалась небольшая спальня. На третьем – кабинет и гостиная, в которой Гиньоль принимал посетителей. Через три года, когда штат фирмы несколько расширился, финансовые возможности перестали внушать опасение и мысль о завтрашнем дне уже не сверлила мозг, как червяк прогнившее яблоко, Гиньоль решил выкупить все здание. Теперь на первом этаже, в столовой и кухне, хозяйничала невысокая, чуть полноватая дама средних лет по имени Туанона. Она также исполняла обязанности сиделки, ухаживающей за Франтишекком Йи.

Франтишек Йи жил на втором этаже. Комната его располагалась точно под гостиной, в которой Гиньоль разговаривал с клиентами. И это была не случайность. Франтишек Йи обладал уникальными сенситивными способностями. Ему не всегда удавалось прочесть мысли человека на расстоянии, зато он безошибочно мог уловить его чувства. Специальный вентиляционный ход позволял Франтишкеку слышать все, о чем Гиньоль разговаривал с посетителем. И если что-то было не так или хотя бы казалось Франтишкеку подозрительным, он тут же подавал Гиньолю знак с помощью особой сигнальной системы. Таким образом, Гиньоль всегда был в курсе, насколько искренен с ним клиент. А кроме того, мог многое узнать о складе его характера, а значит, и об истинных намерениях, приведших человека к тому, кто может решить любую проблему. И, надо сказать, удивительная способность Франтишека не только во многом облегчала Гиньолю жизнь, но также дважды ее спасла. Франтишек вовремя почувствовал и успел дать знать Гиньолю, что очередной посетитель горит жадой мести. И причины у него на это, похоже, имеются. А под курткой спрятан ятаган – это в первом случае, отравленное шило – во втором.

Вот так-то!

Гиньоль встретил Франтишека Йи в одно из теплых марковских воскресений, прогуливаясь по Мемориальному кладбищу ветеринаров. Вокруг цвели и благоухали цветы, порхали бабочки, жужжали пчелки, мило улыбались необыкновенно красивые в этот удивительный весенний день женщины и мерзко вопили младенцы. Само собой, Гиньоль не просто так решил прогуляться туда, где каждый централец хотя бы раз назначал встречу и, как минимум, трижды – свидание. Он, как всегда, делал свое дело. Дело, с которым никто другой не смог бы справиться. Дело было настолько конфиденциальным, что мы не станем ничего о нем рассказывать. Мы даже не назовем имя того, чью проблему решал в этот час Гиньоль, поскольку даже его инициалы слишком хорошо известны.

Да и не важно это!

Для нашей истории значение имеет лишь то, что на черной мраморной плите, под которой, если верить золоченой надписи, покоился бранный прах Жана-Клода Фрера – ну а уж кто такой Жан-Клод Фрер, надо думать, объяснять никому не нужно! – Гиньоль увидел нечто, что потрясло его воображение до самых глубин. А после, когда все устаканилось, снова всплыло на поверхность. Все верно – это был он, Франтишек Йи.

Что Франтишек делал на Мемориальном кладбище ветеринаров? Он и сам этого не знал. Скорее всего, искал тишины и успокоения. А может быть, и забвения заодно. От всех и вся.

Франтишеку Йи было нелегко. Во всех отношениях.

Начать хотя бы с того, что он был круглым сиротой, никогда не знавшим ни своих родителей, ни братьев с сестрами, ни дядей с тетками, ни даже деда с бабушкой. Младенцем его подбросили к дверям сиротского приюта имени Эволюционной теории. В коробке из-под пиццы.

По единодушному мнению работавших с Франтишеком психологов, именно это обстоятельство – коробка из-под пиццы, – которое работники приюта не потрудились скрыть от маленького подкидыша, стало причиной его нездоровой тяги к еде. К любой еде. В любом виде и в любой консистенции. К еде как к процессу и как к совокупности продуктов питания. Единственное, что совершенно не интересовало Франтишека, это еда как философия.

Франтишек ел постоянно. Он безостановочно что-нибудь жевал. Он заталкивал себе в рот все, что попадало под руку. И при этом, что удивительно, не испытывал ни малейших угрызений совести, терзающих патологических обжор. Из чего можно было сделать вывод, что Франтишек вовсе не был обжорой. Он просто любил поесть. Как следует. А в приюте ему это никогда не удавалось. Сами знаете, что такое сиротский приют.

Франтишек рос с немыслимой, можно даже сказать чудовищной, устрашающей скоростью. Он не только раздавался в ширину, набирая вес, но и вытягивался вверх. Сначала он стал на голову выше всех своих сверстников. Затем перерос тех, кто был на пять лет старше его. К двенадцати годам он сверху вниз смотрел на строй марийских гренадеров. А в марийские гренадеры, как известно, коротышек не берут.

Но и на этом Франтишек не остановился. Он продолжал расти.

Воспитанник Йи ел за пятерых. Одежду для него приходилось шить на заказ. Все это было весьма и весьма обременительно для скудного приютского бюджета, в который то и дело залезала чья-нибудь загибающая лапа. Поэтому, когда Франтишек решил покинуть приют, никто возражать не стал. Ему даже выдали документы, как для взрослого. Сделать это было не сложно, поскольку выглядел он вполне по-взрослому.

Отправляясь в большой мир, Франтишек был полон радужных ожиданий. Однако мир встретил большого человека, как каменная стена врезавшегося в нее мотоциклиста. Люди не желали принимать гигантского толстяка в свое общество. Они не считали его своим, потому что видели в нем не свое отражение, а уродливую пародию на человека. Что поделаешь, люди хотят видеть себя такими, как сами они себя представляют. Не задумываясь о том, какие они есть на самом деле. И когда они видят что-то, не соответствующее их представлениям, они считают, что перед ними кривое зеркало. И приходят от этого в бешенство.

Франтишека дразнили. Его обзывали. С ним не желали разговаривать. В него кидали палки, камни и кожуру апельсинов. Его отовсюду гнали прочь.

Франтишеку было грустно и обидно. Обидно втройне из-за того, что, будучи сенситивном, он видел, какие мелкие, грязные душонки у тех, кто без всякой на то причины обзывал его последними словами. От страшной обиды Франтишек ел все больше и становился все толще. Расти вверх он перестал, а потому все шире и шире раздавался в стороны.

Он приходил на Мемориальное кладбище ветеринаров, потому что здесь было тише и спокойнее, чем в других известных ему местах. Здесь он садился возле понравившегося ему надгробия и предавался размышлениям о тщете и суетности всего сущего. Проходившие мимо принимали его за скорбящего по усопшему. На него и здесь бросали неприязненные взгляды. От него воротили носы – а ведь Франтишек следил за своим огромным телом, хотя это было и нелегко. Но здесь, по крайней мере, в него ничего не бросали. И не кричали, чтобы он убирался куда подальше.

Гиньоль был не похож на других людей. Потому, едва завидев огромное, перепоясанное многочисленными складками жира тело Франтишека, растекшееся по надгробной плите на могиле Жана-Клода Фрера, он понял, что перед ним нечто, не вписывающееся в рамки обыденности. Проще говоря, нечто удивительное. Еще проще – чудо.

Он подошел к необъятной груде плоти, коснувшись двумя пальцами полей шляпы, вежливо представился и поинтересовался, не требуется ли господину помощь.

– Вы это серьезно? – спросил Франтишек, не поднимая головы.

Он не любил смотреть на тех, кто над ним насмехался.

– Вне всяких сомнений! – ответил Гиньоль.

Франтишек медленно поднял голову и посмотрел на Гиньоля своими маленькими грустными глазками.

– Вы хороший человек, – сказал он.

– Кто бы сомневался! – согласился с ним Гиньоль.

Это стало началом большой и долгой дружбы.

Франтишек стал помощником Гиньоля и переехал жить в дом 2 дробь 21 по улице Дзуйхицу. Со временем – хотя это может показаться невероятным, – он сделался еще толще. Ему стало трудно выходить из дома, и он почти все время проводил в своей комнате. Затворничество отнюдь не тяготило Франтишека. У него были книги, которыми Гиньоль снабжал его в избытке, и три волнистых попугайчика. Он звал их Му, Ма и Титикака. Мир за стенами дома перестал для него существовать еще до того, как Франтишек встретил Гиньоля. Он сам отказал этому миру в праве на существование. Кому нужен мир, который приносит лишь страдания и боль?

Врачи, самые именитые, которых неоднократно приглашал к Франтишеку Гиньоль, только в растерянности качали лысыми головами. Они ясно видели перед собой человека, страдающего патологическим ожирением. Настолько патологическим, что, вообще-то, его можно было назвать несовместимым с дальнейшей жизнедеятельностью организма. Однако ж толстяк был жив. Мало того, за исключением проблем с перемещением в пространстве и телесной моторикой – он, к примеру, не мог дотянуться кончиками пальцев правой руки до локтя левой, – у пациента не наблюдалось никаких проблем со здоровьем. Все его органы работали если и не замечательно, то вполне удовлетворительно. Хотя им давно уже полагалось заплывать жиром и выйти из строя. Медики никак не могли объяснить сей странный феномен. Им оставалось лишь констатировать, что такова уж природная особенность Франтишека Йи. И сожалеть, что им ничего не известно о его родословной. Как сказал Гиньолю один из врачей, Франтишек не толстел из-за того, что много ел, а много ел, потому что постоянно толстел. В чем тут разница, Гиньоль, признаться, так и не понял. Но он и без того был рад, что у его друга нет проблем с внутренними органами.

Ну а для того, чтобы присматривать за тем, что снаружи, была приглашена сиделка. Туанона, женщина немолодая и одинокая – из родственников у нее остался лишь троюродный брат, проживающий в Ротонде, с которым она последний раз виделась пятнадцать лет тому назад, – всю свою заботу обратила на Франтишека. Порой Гиньоль казалось, что Туанона относится к Францу, как к собственному сыну. Они вместе читали и кормили попугайчиков. Или рассказывали друг другу истории своих нелегких жизней. Туанона отходила от своего подопечного, только когда Гиньоль ждал посетителя, а следовательно, и Франтишека ждала работа. Спустя месяц или полтора после своего появления в доме на улице Дзуйхицу, насмотревшись на то, как Гиньоль и Франтишек изо дня в день едят готовую пищу, что приносил им разносчик из близлежащей харчевни «Рыбка-На-Спинке», Туанона предложила за небольшую доплату заняться кухней. Гиньоль же взамен предложил Туаноне перебраться жить в комнату рядом с кухней. На что женщина с радостью согласилась. Она и без того почти все время проводила в доме на улице Дзуйхицу. И только ночевать ездила едва ли не на другой конец города, где у нее была крошечная комнатенка, в которой едва помещались раскладная кровать и пристенный столик. Ее нелегально сдавал Туаноне вороватый комендант общежития спортивного клуба ДОСААФ – «Добровольного общества самых активных апологетов фехтования». Ни разу не пробовавший стряпни Туаноны, Гиньоль понимал, что идет на определенный риск, беря ее на должность кухарки. Но ему не пришлось жалеть о своем решении. Туанона оказалась кухаркой, о которой можно было только мечтать. В ее руках любые продукты превращались в фантастические, изысканные яства. Проза слишком бедна для того, чтобы описать создаваемые Туаноной блюда. Феерия вкусов и запахов была достойна того, чтобы о ней слагались стихи, строфы которых затем высекались бы в мраморе! Кроме того, Туанона взяла на себя и уборку дома. От денег, которые предложил ей за это Гиньоль, Туанона с гордым видом отказалась, ответив, что она всего лишь наводит порядок в доме, в котором живет. К тому же потребности у Туаноны были невеликие, и денег, что уже платил ей Гиньоль, с лихвой хватало на полное их удовлетворение. Да еще и про запасец кое-что оставалось. Никогда еще прежде Туанона не чувствовала себя такой богатой. И такой счастливой, как в доме Гиньоля.

Последняя, о ком следует рассказать, раз уж речь зашла об обитателях дома на улице Дзуйхицу 2/21, это Мадлона. Она была единственным приходящим работником в доме Гиньоля. Мадлона работала секретаршей и делопроизводителем. Проще говоря, отвечала на звонки, встречала посетителей, вела деловую переписку, расшифровывала магнитофонные записи, которые делал Гиньоль, следила за архивом и картотекой, обновляла персональный сайт Гиньоля и просматривала периодику, выискивая странные происшествия, которые могли бы привлечь внимание человека, решающего любые проблемы. Мадлона была довольно необычной молодой особой. Впрочем, как и все остальные обитатели дома на Дзуйхицу. Красная блондинка с короткой стрижкой, двадцати трех лет, в неизменно круглых очках в тонкой металлической оправе – Мадлона могла бы выглядеть симпатично, если бы только приложила к этому некоторые усилия. Однако собственная внешность, похоже, интересовала ее в последнюю очередь. Что интересовало Мадлону в первую, вторую и третью очередь, не знал никто. Прежде чем принять Мадлону на работу, Гиньоль, как и полагается, навел о ней справки. Девушка была из хорошей, обеспеченной семьи. Ее родители пребывали в добром здравии и вовсе не стремились поскорее выставить дочку за порог родного дома. То, что Мадлона решила найти себе работу, было ее собственной инициативой. Даже несмотря на неброскую внешность, у Мадлоны могло бы быть немало кавалеров. Хороший дом, хорошие родители и хорошее наследство легко могли обеспечить ей хорошего жениха. Но Мадлона замуж не торопилась. Более того, казалось, что замужество вообще не интересует ее. Так же, как и почти все остальное. Родители Мадлоны позаботились о том, чтобы дочь получила хорошее классическое образование. Девушка получила диплом с отличием. Но это не привило ей любви ни к живописи, ни к музыке, ни к театру. Зато она взахлеб читала все книги, какие ей только

попадались, начиная с античных философов и заканчивая психосоматическим бредом писателя-таксидермиста Федора Беликина, и смотрела все фильмы, что выходили в прокат или на видео. Гиньоль выяснил, что раз в две недели Мадлона непременно перечитывала «Золотую ветвь» и пересматривала «Мертвеца». Для молодой девушки выбор довольно странный. Но Гиньоля такой вариант устраивал. Еще одной особенностью Мадлоны было то, что из-за невротического склада характера она часто плакала. По любому поводу. А то и вовсе без оного. Она могла расплакаться, если Гиньоль был чем-то недоволен. Или если он делал ей комплимент. Или если, боясь, что она снова заплачет, Гиньоль отводил взгляд в сторону и быстро пробежал мимо. Но при всем при том работу свою Мадлона выполняла безупречно. И за те три года, что она работала у Гиньоля, не пропустила ни одного дня. Гиньоль не отдавал себе в этом отчета, но он настолько привык к кажущейся незаметной помощи Мадлоны, да и просто к самому ее присутствию, что, если бы вдруг девушка решила уйти с работы, он не знал бы, что делать и где искать другую такую же безукоризненную секретаршу.

Вот такая несколько странная в некоторых своих проявлениях компания обитала в доме 2 дробь 21 по улице Дзуйхицу.

Теперь можно вернуться к тому, с чего начали.

Гиньоль вошел в дом, кинул трость в подставку из задней ноги пятирога, громко возвестил о своем прибытии и, не получив ответа, проследовал в гостиную.

На круглом столе, покрытом васильковой скатертью, стоял большой термopоднос с серебристой крышкой. Наклонившись, Гиньоль увидел на крышке свое искаженное лицо. Огромные, страшно вытаращенные глаза, приплюснутый нос, широкие скулы, будто вываливающиеся изо рта губы и оттопыренные уши. Впрочем, отражение его мало интересовало. Видеть свое изуродованное перспективой лицо стало для него привычным с тех пор, как Туанона принялась чистить и полировать все, что только можно. Куда интереснее было узнать, что находится под крышкой. Туанона никогда заранее не говорила, что подаст к столу. Гиньоль даже подозревал, что кулинария Туаноны – это сплошная импровизация на тему имеющихся в наличии продуктов и она сама заранее не знает, что у нее получится. Поэтому, прежде чем поднять крышку с термopодноса, Гиньоль всегда делал паузу, пытаясь угадать, что увидит под ней на этот раз. Почти никогда ему это не удавалось.

Гиньоль медленно протянул руку к крышке и сладострастно улыбнулся. Взгляд он при этом отвел в сторону, чтобы не видеть собственного отражения. Взгляд скользнул по синей скатерти и встретился с самим собой. На него глядел ужасающий, похожий на драконий, глаз, растекшийся по ложке.

Насколько же неопределенна окружающая нас реальность, с затаенным трепетом подумал Гиньоль. Луч света всего лишь немного отклоняется в сторону – и ты превращаешься в монстра! Гиньоль любил немного пофилософствовать перед едой. Он полагал, что хорошие мысли способствуют здоровому пищеварению. И наверное, он был прав.

Гиньоль на секунду прикрыл глаза и попытался представить, что находится под крышкой. Там лапша с говядиной под кисло-сладким соусом, непонятно с чего вдруг решил он. Между тем как внутренний взор его созерцал тарелку с яичницей-глазуньей из двух яиц и маленьким кусочком поджаренного хлеба. Но Гиньоль был уверен, что Туанона не могла поступить с ним столь жестоко.

Определенно – не могла!

Гиньоль улыбнулся с надеждой и верой в человеческую доброту. И – вздрогнул от сурового окрика.

– Господин Гиньоль!

Гиньоль вскинул голову, будто пойманный с поличным жулик.

В дверях стояла Туанона. Спрятав руки под фартук и сурово сдвинув брови, домработница смотрела на Гиньоля так, будто застала его за чем-то в высшей степени непристойным.

– Туанона, – мягко, но все же с укоризной произнес Гиньоль. – Если ты будешь продолжать в том же духе, то скоро я стану заикой.

– Лучше стать заикой, чем заработать дизентерию! – изрекла, как приговор, Туанона.

– С чего бы вдруг? – Гиньоля явно не устраивала такая перспектива.

– Вы пришли с улицы и не вымыли руки!

– Я их мыл! – без зазрения совести солгал Гиньоль.

– Нет, не мыли!

– Почему ты так в этом уверена?

– Потому что, господин Гиньоль, вы даже шляпу не сняли!

– В самом деле? – Гиньоль поднял руку и снял с головы шляпу.

– Ну?

– Я очень, очень хочу есть, Туанона.

– Это не повод для того, чтобы садиться за стол в шляпе и с грязными руками!

– Я в своем доме, в конце-то концов! – попытался настоять на своем Гиньоль. – И могу делать здесь все что пожелаю! Даже есть с невымытыми руками! Потому что, в конце концов, у меня есть вилка!

– Ах, так, – Туанона заметно понизила голос и слегка прищурилась.

Гиньоль сразу понял, что это означает, и быстро выбросил перед собой руку в предупреждающем жесте.

– Нет, не так, Туанона!..

– Если вы дадите мне понять, что это не мой дом!.. – Домоправительница развязала и сняла фартук.

– Туанона, ты все неправильно поняла!..

– Я вынуждена уйти! – Туанона бросила фартук на спинку стула. – Прощайте, господин Гиньоль! Прощайте навсегда!

В двери столовой заглянула Мадлона, с кожаной папкой, прижатой к груди.

– Что у вас тут происходит?

– Туанона опять уходит! – пожаловался секретарше Гиньоль.

– Ах вот оно что, – Мадлона шмыгнула носом. – Тогда я лучше подожду за дверью. – Губы девушки задрожали, глаза наполнились слезами. – Я не могу выносить это зрелище, – проямлила она и выбежала в гостиную.

– Ну вот видишь, Туанона! – указал ей вслед Гиньоль. – Расстроила девушку!

– Это ваша вина, – ничуть не смутилась кухарка. – Я ухожу!

Гиньоль, наблюдавший подобное уже не первый раз, отлично знал, что никуда Туанона не уйдет. Уже хотя бы потому, что ей некуда было идти. Но всякий раз, если кто-то в доме пытался нарушить ее правила, которых, следует признать, было не так уж много, она заявляла, что уходит. Наверно, проще всего было бы указать ей на дверь, чтобы раз и навсегда покончить с этим спектаклем. Но Гиньоль не мог так поступить. Он считал, что самоутверждаться за счет других, в особенности более слабых, это самое мерзкое, что можно откопать в человеческой натуре. Поскольку ничто человеческое ни одному из нас не чуждо, Гиньоль тщательно следил за тем, чтобы не допускать подобных промахов. Ну а кроме всего прочего, если вдруг Туанона возьмет да и на самом деле уйдет? Где он найдет другую такую домохозяйку?

– Хорошо, Туанона. – Гиньоль сделал мягкий, успокаивающий жест рукой с открытой ладонью. Как будто перед ним был хищник. Не особенно свирепый, но все же опасный. – Ты меня убедила. Видишь, я уже снял шляпу. А сейчас я пойду и вымою руки.

– Точно? – Во взгляде Туаноны не столько недоверие, сколько торжество.

– Я обещаю, Туанона, что не притронусь к еде, пока не вымою руки. Только надень, пожалуйста, фартук.

– Ну... хорошо, – вроде как сделав над собой усилие, Туанона накинула фартук и завязала его сзади красивым узлом. – Надеюсь на ваше благоразумие, господин Гиньоль. Помните, вы спите, а дизентерия – нет!

– Можно только один вопрос, Туанона?

– Конечно, господин Гиньоль. – Домработница вновь сложила руки под фартуком и выжидающе посмотрела на хозяина.

– Что сегодня на ужин?

– Яичница-глазунья с гренками.

Нужно доверять интуиции, сделал вывод Гиньоль.

Глава 7

– Ты куда собралась?

– Не твое дело!

Мара хлопнула дверью перед носом мужа, взбежала по выщербленным ступенькам и оказалась на заднем дворе ратуши. Поправив широкий цветастый платок на плечах, шенгенка направилась к грузовику, из открытого кузова которого Гена с Жорой выгружали картонные ящики с продовольственными заказами для членов Городского Совета.

Это была какая-то давняя традиция или даже ритуал, смысл которого чужакам, к которым относились и орки-шенгены, было не понять. Каждую неделю в ратушу привозили продукты из большого магазина Беренштайна, расположенного тут же, на Ратушной площади, прямо напротив Желтого Дома. Заказы были заранее оплачены и разложены в картонные коробки в соответствии с аккуратно составленными списками. На следующий день коробки с продуктами, опять же строго по списку, выдавались членам Городского Совета. Которые радовались этому, как дети новогодним подаркам. Взрослые люди, государственные, можно сказать, мужи перебирали содержимое своих коробок, хвалились друг перед другом тем, что там находили, как будто это было нечто удивительное, бесценное, доступное только им одним. Наблюдая за всем этим сквозь щелку чуть приоткрытых дверей, орки только диву давались. Чему радуются эти странные люди? Все то же самое, по той же цене можно было купить, перейдя на другую сторону площади. Орки ничего не понимали. И весь следующий день ходили с огромными удивленными глазами. Служащие из местных относились к еженедельному ритуалу куда более спокойно. Они тоже не понимали смысл странного действия, но в отличие от шенгенов коренные жители Централя привыкли относиться со снисхождением к причудам и странностям обитателей Желтого Дома. В конце концов, на то они и члены Городского Совета, чтобы быть не такими, как все. То есть вести себя не по-людски, думать не по разумению и искать решение всех проблем на потолке зала заседаний. Иначе у граждан Централя могло сложиться мнение, будто в существовании членов Городского Совета и вовсе нет никакого смысла. А это ведь, согласитесь, обидно.

Мара подошла к сидевшему в кабине грузовика гному. У гнома был широкий клетчатый берет, лихо заломленный на правое ухо, и модно заплетенная в косичку рыжая борода. Томясь от вынужденного безделья, гном что-то тихонько напевал, выстукивая ритм пальцами по рулевому колесу.

– Здравствуйте, господин Визель, – обратилась Мара к гному, встав на подножку.

Гном улыбнулся Маре. Он уже не в первый раз доставлял продовольственные заказы в Желтый Дом. А поскольку он и сам был в Центrale пришлым, то с такими же, как и он, чужаками поддерживал добрые отношения. А Мара внушала ему уважение. Из всей компании орков-шенгенов, работающих в ратуше, она была самой спокойной, уравновешенной и здравомыслящей. Визель даже подозревал (и, надо сказать, не без оснований), что именно она здесь всем заправляет, а вовсе не ее безбашенный муженек.

– Вечер добрый, почтенная Мара. – Гном коснулся двумя пальцами края берета.

– У вас это последний рейс, господин Визель? – вежливо осведомилась Мара.

– Да, отработал, – улыбнулся гном. – Как только ваши друзья машину разгрузят, еду в гараж.

– Ваш гараж, насколько мне известно, находится на Левом берегу?

– Да, в Шепелявой слободке.

– А могу ли я, господин Визель, попросить вас подвезти меня?

– Ну, если это по пути...

– Иначе бы я и просить вас не стала. Мне бы в Холопень.

– Извиняюсь, почтенная Мара, но в сам Холопень не поеду. Он хоть мне и по пути, но я его стороной объезжаю. Там народец, извиняюсь, бестолковый, правильно парковаться не умеет. И правилам дорожного движения вовсе не обучен. Там два местных олуха, ежели упрутся друг в друга бамперами, так и будут стоять, потому что ни один не желает дорогу уступать. А вокруг еще народ соберется, начнет судить да рядить, выясняя, кто прав, кто виноват. Нет, почтенная Мара, при всем моем уважении, в Холопень не поеду. Ежели желаете, на окраине, возле Обруча вас высажу.

– Вы сама любезность, господин Визель.

Мара открыла дверцу и забралась в кабину. Поправив платок, она обернулась и постучала в заднее окошко.

– А ну, пошевеливайтесь! – прикрикнула она на родственников.

Гена с Жорой забегали веселее. И стали брать не по одной коробке, а по две за раз.

– Я смотрю, вы своих помощников в строгости держите, – лукаво прищурился гном.

– А иначе с ними нельзя, – даже не улыбнулась Мара. – Им только дай волю – будут целый день бездельничать.

Выкинув из кузова последнюю коробку, Жора закрыл задний борт, свистнул и махнул водителю рукой – поезжай, мол.

Глядя вслед отъезжающей машине, орк задумчиво почесал колено.

– Куда это она? – озадаченно пробормотал Жора.

– Не знаю, – безразлично пожал плечами Гена.

– Непорядок это, – неодобрительно покачал головой Жора.

– Почему?

– Потому что непорядок.

– Ну, не знаю... Маре виднее.

– Так-то оно так... Да только все равно – непорядок!

Жора ногой приподнял крышку ящика, на которой было написано: «Ратман Баксбаги – 386 гр. 7 тр.». Соленые огурцы, шпроты, плавленый сырок, баклажанная икра, пять банок тушенки, палка сырокопченой колбасы «Академическая».

– Как ты думаешь, зачем члену Городского Совета вся эта дрянь?

– Откуда я знаю?... Может, есть будет?

– Ты бы это стал есть?

– Ну, если бы очень приперло...

– Так он же ратман, дурья твоя башка! Как его может припереть?

– Ну почем мне-то знать? Может, у ратмана тоже проблемы бывают.

– Может, и бывают. Только не денежные. – Жора взял банку тушенки, повертел в руках и кинул назад в коробку. – Даже стащить не хочется. Были бы яблоки. Или лимоны. А так – дрянь одна.

– Мара ничего брать не велела.

– А Мара ничего и не узнает. Мара куда-то укатила. – Жора обратил лицо к напарнику и многозначительно повел бровью. – С гномом.

– Да ладно тебе! – махнул рукой Гена.

– Мне-то ладно. А Алику каково?

– Если Мара узнает, чего ты тут болтаешь...

– А откуда она узнает?

– Не знаю.

– А не знаешь – так и молчи!

Гена недовольно насупился и схватил ящик.

– Ты чего?

– Ничего.

- А чего тогда за ящик ухватился?
- Болтаем много, а работа стоит.
- И что?
- Ничего... Сериал скоро начнется.

Мара сериалы не смотрела. Не потому, что не любила, а потому, что забот у нее было куда больше, чем у Гены с Жорой, вместе взятых. Гена с Жорой, в кооперации с ее благоверным, умели только создавать проблемы. Ей же приходилось после них все разруливать и улаживать. Поэтому вместо того, чтобы усестись под вечер с вязаньем у телевизора, Мара с водителем-гномом ехала в левобережный квартал Холопень.

Гном Визель, как и почти всякий водила, любил поболтать за рулем. Однако ж он сразу заметил, что Мара выглядит озабоченной, как никогда. Сидя рядом с водителем, шенгенка все время хмурилась, морщила лоб и смотрела через лобовое стекло куда-то вдаль. Видно, не до разговоров ей сейчас, решил Визель. И не стал донимать Мару своей болтовней.

А между тем поболтать-то ему ох как хотелось!

Визель жил один. Выпивал редко и весьма умеренно. В карты, домино и кости так и вовсе не играл. Поэтому в компании других гномов ему было неинтересно. Да и они смотрели на него как на чудака. Визель приехал в Централь десять лет назад. В Гефлинге, где он прежде жил, только и говорили о том, что в Центrale можно запросто денег заработать. Сколько хочешь. Вот он и думал, отправляясь в путь, что подзаработает малость деньжат и вернется назад, в Гефлинг. Дом купит, семьей обзаведется. В общем, будет жить как все. А вместо этого так и осел в Центrale. В машинах Визель разбирался отлично, у хозяина гаража был на хорошем счету. Поэтому и работу ему всегда доверяли ответственную, а значит – денежную да не пыльную. Вроде доставки тех же продовольственных заказов в Желтый Дом. Ну, разве нашел бы он такую работу в Гефлинге? Да ни за что в жизни!

Вот так и остался гном без родины.

Да если б только он один!

Мара тоже поначалу считала дни до того, как все они вернутся в Шенген. Сначала дни. Потом – месяцы. Годы. Пока вовсе не перестала считать. По-видимому, решила Мара, они застряли здесь навсегда. По-видимому – это чтобы еще оставалась какая-то лазейка. Слабая, но надежда, что они еще смогут вернуться в Шенген. Хотя, если бы кто-то, ну, к примеру, тот же Визель, спросил Мару, а зачем им, собственно, возвращаться, она бы не нашла что ответить.

А в самом деле, зачем?

В Центrale жизнь – не сахар. Но в Шенгене-то и такой никто не видывал.

Машина переехала по мосту речку Салу, свернула налево, миновала Снарядье и на Пятипутье выбрала дорогу, на которую указывала стрелка с надписью «Холопень».

Холопень был районом, пользующимся не сказать что совсем уж дурной, но и не очень-то хорошей славой. Именно поэтому добропорядочный гном Визель предпочитал объезжать его стороной. А вот туристы, в особенности те, что впервые оказались в Центrale, слетались в Холопень будто мухи на мед. Холопень предлагал всем и каждому развлечения на любой вкус и цвет. От самых безобидных до почти нелегальных. Почти – потому что даже здесь, в Холопени, грань закона никто преступать не собирался. Однако ж специально для заезжих любителей запретных наслаждений создавалась соответствующая атмосфера, оказавшись в которой туристы были уверены, что погрузились на самое дно ужасного и жестокого криминального мира. В подобной обстановке даже безобидная игра в домино казалась чем-то манящим и даже, может быть, немного порочным. Одним словом, за деньги, которые они оставляли в Холопени, туристы получали бездну самых ярких, не сравнимых более ни с чем ощущений. Которыми по возвращении домой они спешили поделиться с друзьями и родственниками. А те, в свою очередь, доведись им оказаться в Центrale, первым же делом отправлялись в Холопень.

Визель посадил Мару у Обода. Так почему-то называлась большая полукруглая площадь, на которой останавливался трамвай, также обходивший Холопень стороной. На площади находился эльфийский ресторан «Ешь-пей сколько влезет», игорный дом «Гномья слободка», кино-театр «Орочья нора», магазин «Все что надо» и еще десятка полтора заведений помельче. Не считая лотков и палаток, торгующих сувенирами, сладостями, фастфудом, путеводителями и прочей дребеденью, столь милой сердцу всякого уважающего себя туриста.

Мара почти сразу свернула с главной улицы, носившей имя Наставника Хакуина, в крошечный, почти незаметный проулок между разукрашенной аляпистыми розовыми цветами кондитерской мамы Мопассан «Пышка» и выдержанным в строгих готических тонах похоронным бюро Банди и сыновей «Мертв по прибытии». В безымянный сей проулок мало кто заглядывал, зато все, проходившие мимо, кидали в него мусор. Повсюду валялись обрывки газет, скомканные целлофановые пакеты, обертки от шоколадок и мороженого. Да к тому же стоял ядреный запах соленых огурцов трехлетней выдержки. В проулок не выходило ни одно окно, но двери временами встречались. Крепко сколоченные, обитые железными полосами двери. Что могло скрываться за такой дверью? Да, в общем, все что угодно. Не забывайте, что дело происходило в Холопени. Где, в принципе, можно ожидать всего. Вплоть до встречи с самим Сальвадором Дали.

Миновав с десяток наглухо запертых дверей, Мара остановилась возле той, что была ей нужна, и тихонько постучалась. С минуту за дверью царил тишина. Затем истошно заскрипел похоже, что очень старый, ржавый засов. Дверь приоткрылась самую малость. В образовавшуюся щель виден был только большой желтый глаз, казалось, светящийся во мраке.

– Я к почтенному Кроули, – тихо произнесла Мара.

– Вам назначено? – так же тихо спросило желтоглазое существо.

Голос у него был странный. Не мужской и не женский. Не старый и не молодой. Не злой, не добрый, не подозрительный. Вообще – никакой. Словно и не голос это был вовсе, а снова проскрипел тот же самый ржавый засов.

– Я по неотложному делу, – ответила Мара.

– Насколько неотложному?

– Настолько, что я приехала в Холопень за два часа до темной стороны додекаэдра.

– Холопень – хорошее место.

– Я не утверждала обратного.

– Но мне показалось...

– Мы будем говорить или дело делать?

– Вот, все вы так... Все...

Продолжая что-то бормотать себе под нос, если, конечно, у него был нос, желтоглазое существо приоткрыло дверь чуть шире и отступило во мрак.

Мара безбоязненно шагнула через порог. Ей и прежде доводилось бывать в этом доме. Не часто, но доводилось. Место было не из тех, куда ходят просто так, чтобы время скоротать. Сюда приходят, только когда уже припрет. По-настоящему, серьезно припрет. А иначе здесь и делать нечего.

В прихожей было темно и тихо. Как в могиле. Но пахло почему-то горчицей и розмарином. По прошлым своим визитам Мара знала, что темнота эта обманчивая. Нужно было только выждать какое-то время, дать глазам привыкнуть. И тогда станет ясно, что темнота эта вовсе и не темнота даже, а сероватый полумрак, подсвеченный тусклыми, направленными в потолок светильниками. Хозяева дома не любили яркий свет.

Первым, что увидела Мара, когда темнота начала редеть, было то самое желтоглазое существо, что открыло ей дверь. Существо было ростом под два метра. Но, даже видя его в полный рост, невозможно было понять, что оно собой представляет. От шеи и до пят оно было завернуто в серое бесформенное покрывало, полностью скрывающее очертания его фигуры.

Голова же была плотно замотана красным платком. Так что был виден лишь один желтый, хищно прищуренный глаз. Свисающие на плечи кисти наводили на мысль, что, может быть, и не платок это был вовсе на голове у безымянного желтоглазого существа, а стяг поверженной армии. Но кому до этого было дело? А если кому и было, тот молчал. Желтоглазое вовсе не казалось опасным. Но и злить его при этом как-то не хотелось. Кто знает, как оно отреагирует на простой, казалось бы, вопрос – что за знамя у вас на голове?

– Дождь не собирается? – спросило желтоглазое у Мары.

– Нет, – ответила шенгенка, ничуть не удивившись такому вопросу.

– Уже неделя, как дождя не было, – недовольно проскрипело желтоглазое.

И, ворча, потопало в глубь помещения, волоча за собой длинный подол серой хламиды.

Мара пошла следом. Она знала, что никакого официального приглашения от желтоглазого не последует. Даже взмаха руки или кивка от него не дождешься. Желтоглазое так и будет семенить, путаясь ногами в одежде, что-то бубнить, будто разговаривая само с собой и не замечая, следует за ним кто или нет. А может быть, только делая вид, что ему это безразлично. Что можно знать о повадках существа, у которого даже названия не было? Может быть, его и вовсе не существовало? Мара слыхала про подобные штучки, но никогда не задумывалась над ними всерьез. По ее разумению, в существовании существа, которое на самом деле не существует, не было никакого существенного смысла. А ежели так, то чего ж об этом думать?

Следуя все в том же порядке – впереди желтоглазое, следом за ним Мара, – они оказались в длинном коридоре, света в котором было чуть больше. И пахло здесь корицей и рыбным соусом. Справа была глухая стена, слева – узкие дверные проемы, задернутые разноцветными шторами. Возле одной из таких зашторенных дверей желтоглазое остановилось, глянуло на Мару, может, сердито, может, насмешливо, но уж точно недобро, и скрылось за занавеской. Мара осталась в коридоре. Она знала, что заходить в комнату прежде, чем оттуда выйдет желтоглазое, нельзя. Ни в коем случае. Почему именно нельзя – этого она не знала. Да и не интересовали ее подобные вопросы. Мара была на удивление рационально мыслящей шенгенкой.

Прошло не больше пяти минут.

Желтоглазое выбралось из-за занавески и посмотрело на Мару так, будто думало, съесть ее прямо сейчас или оставить на потом?

– Почем нынче яйца на рынке? – сухо проскрипело непонятное существо.

– Тринадцать грандов семь триков за дюжину. – Это Мара точно знала.

– Инфляция, – удрученно покачало головой желтоглазое.

Мара слышала это слово – его частенько повторяли в Городском Совете, – но что оно означает, шенгенка не знала. Ратманы произносили очень много непонятных слов. Особенно во время заседаний, когда решали важные государственные вопросы. Поэтому она повторила то, что слышала:

– Падение курса не должно привести к стагнации. – Память у нее была хорошая.

– Кто знает, кто знает, – проскрипело желтоглазое и затопало дальше по коридору.

Пройдя несколько шагов, существо обернулось.

– В этом году лучше покупать богемское стекло, – глубокомысленно изрекло оно, сверля шенгенку единственным глазом.

– Я буду иметь это в виду, – с благодарностью кивнула Мара.

И желтоглазое засеменило дальше.

Дойдя до конца коридора, оно сделало полный оборот вокруг оси, одернуло на себе одеяние и скрылось за занавеской.

Только после этого Мара подошла к дверному проему и осторожно отвела занавеску в сторону.

Шенгенка знала, что ожидает ее по другую сторону занавески. Но выбора у нее не оставалось.

По крайней мере, она сама так думала. И скорее всего, была права.

Глава 8

Тем же вечером в Развеселом квартале, что расположен на юго-западе Второго круга Централя, появилась удивительная незнакомка, приковавшая к себе внимание всех, кто ее видел. Господ почтенных и не очень. Дам и девиц. Детей и стариков. Орков и гоблинов. Гномов и людей. В общем, все, кто видел ее, идущую по тротуару, только молча провожали незнакомку долгими замороженными взглядами. Одни улыбались. Другие утирали пальцем нос. Третьи нервно сглатывали. Четвертые цокали языком. Говорят, какой-то пожилой почтенный гоблин даже грохнулся в обморок. Впрочем, случилось это возле паба «Лемюэль». Так что гоблин мог оказаться попросту мертвецки пьяным.

Но, как бы там ни было с гоблином, незнакомка стояла того, чтобы посмотреть ей вслед. Да еще и присвистнуть. С восторгом и завистью. С восторгом от того, что в Централе, оказывается, еще можно увидеть такую красотку. И завистью к тому, кто бы решился подойти к этой крале и заговорить с ней. Ну хотя бы о погоде. Или об изменении маршрутов перелетных птиц, вызванных строительством Великой Вай-Вэйской Плотины.

Оценивая возраст незнакомки, свидетели расходились во мнениях. Мужчины давали ей от шестнадцати до тридцати пяти. Женщины – от двадцати семи до сорока трех. Зато оказавшийся неподалеку портной Зингер точно определил ее рост – метр шестьдесят восемь. Также он заметил, что незнакомка была худощава и ноги у нее длиннее, чем обычно. Когда же стоявшая рядом жена Зингера поинтересовалась, что значит длиннее, чем обычно, портной тут же все разъяснил:

– Это примерно как у тебя, дорогая!

Волосы у незнакомки были иссиня-черные и, как добавил цирюльник Ступка, очень аккуратно подстрижены под каре.

Цвет глаз ее никто назвать не мог – глаза прятались за большими солнцезащитными очками.

Одета незнакомка была в короткую ярко-красную курточку из искусственной кожи, со множеством ремешков и застёжек. Под курткой можно было заметить тонкий темно-коричневый свитер. Черная кожаная ультракороткая юбка, несомненно, лишь подчеркивала все достоинства ее фигуры. А узкие сапоги-ботфорты с отворотами на середине бедер превращали ее и без того идеальные ноги в подлинное произведение искусства. Последнее утверждение принадлежит скульптору Безрукову, видевшему незнакомку из окна своей мастерской и разбившему после этого все, что он успел изваять в мраморе, глине и бетоне. Медные и бронзовые статуи Безруков отдал старьевщику за пять бутылок дешевого красного вина.

Последней деталью уже почти законченного портрета таинственной незнакомки был бумажный зонтик с нарисованными на нем журавлем и тремя ирисами. Незнакомка несла его, элегантно положив на плечико.

А вот чего у нее не было, так это сумочки. И – это уже заметили видевшие ее женщины – на незнакомке не было ни одного украшения. Ни кольца, ни браслета, ни серег, ни даже цепочки на шее. Странно? Наверное. Хотя, конечно, дело вкуса.

Первым подкатить к незнакомке решился Мишка-Нож.

В Развеселом квартале человек он был известный. Хотя, сказать по чести, особой любовью и уважением у местного населения не пользовался. Мишка был пижон и бездельник. Да при этом еще водил дружбу со странными личностями, навещающими в квартал с непонятными целями. Когда Мишку спрашивали о его друзьях, он закатывал глаза и с таинственным видом говорил что-то о грядущих перспективах и радикальных тенденциях. Что такое радикальные тенденции, никто не понимал. Поэтому на том разговор и заканчивался. Мишка, сколько его знали, нигде не работал. При этом жил в двухкомнатной квартире с черным котом

с белым носом. И постоянно околачивался в пабах да шинках. Пил Мишка много, но особенно пьяным его никто не видел. И в долг он никогда не просил. Откуда у него деньги – никто не спрашивал. Не принято это было в Развеселом квартале. Вот такой человек был Мишка-Нож.

Да, кличку он себе сам придумал. А по документам он Бертольд звался.

Приметив незнакомку с зонтиком между книжной лавкой Иванова и залом игровых автоматов, Мишка-Нож подумал, что эта девица – как раз то, чего ему не хватает в жизни. По крайней мере, на данном ее этапе. Сдвинув кепку-пятиклинку набекрень и глубоко засунув руки в карманы широченных, по-модному едва не сваливающихся с зада штанов, Мишка вразвалочку продефилировал мимо незнакомки. Но не был удостоен даже взглядом из-за солнцезащитных очков. Перебежав на другую сторону улицы, Мишка обогнал незнакомку, развернулся и снова пошел ей навстречу. На этот раз он бросил в ее сторону взгляд и, поравнявшись, многозначительно подмигнул. И вновь не достиг желаемого результата. Не привыкший сдаваться, Мишка еще раз повторил свой обходной маневр. На этот раз, поравнявшись с незнакомкой, Мишка-Нож элегантно шаркнул ножкой, учтиво коснулся пальцами козырька и бархатисто-утробным голосом произнес:

– Мадам...

Так, в его представлении, обращались к дамам истинные денди. Хотя кто такие денди, Мишка понятия не имел.

К немалому удивлению тех, кто наблюдал за этой сценой, незнакомка остановилась и повернула голову в Мишкину сторону.

Окрыленный успехом Мишка изобразил нечто похожее на книксен. Еще раз дернул кепку за козырек. И выдал сакраментальное:

– Сдается мне, мы где-то уже встречались.

– Нет, – ответила незнакомка.

Голос у нее был холодный и скользкий, будто чуть подтаявший кусочек льда.

– Вы уверены? – картинно прищурился Мишка-Нож.

– Абсолютно.

Судя по голосу, незнакомка была не настроена даже на легкий мимолетный флирт. Однако она и уходить не спешила. Стояла и смотрела на Мишку. Будто чего ждала.

Ободренный таким вниманием к собственной персоне, Мишка-Нож продолжил разыгрывать стандартную комбинацию.

– Мне кажется, я знаю, как вас зовут!

– Серьезно?

Незнакомка чуть склонила голову к плечу. Так, будто дурацкая Мишкина фраза на самом деле ее заинтересовала.

– Роза! – щелкнул пальцами Мишка-Нож.

– Роза?.. – растерянно повторила незнакомка.

– Нет, нет... Конечно же, не Роза, – замахал руками Мишка. – Значит – Сара!

– Я – Сара?..

– Нет, не то, – изображая задумчивость, Мишка постучал пальцами по лбу. – Знаю! – улыбнулся он. – Вас зовут Клара!

– Вы уверены? – В голосе незнакомки все еще слышалось сомнение. Но она как будто уже готова была согласиться.

– Несомненно! Это ваше имя!

– Клара, – повторила незнакомка. И – еще раз: – Клара, – как будто пробуя имя на вкус. – Клара... Мне нравится.

От радостного возбуждения Мишка-Нож едва не подпрыгивал на месте. Он чувствовал, как у него чесалось под коленками. Но чесаться в присутствии дамы, конечно же, моветон. Это было понятно даже Мишке. Поэтому Мишка терпел. Терпел изо всех сил.

– Могу я поинтересоваться, что привело вас в наши края? – спросил Мишка и радостно улыбнулся – эх, как завернул! Самому понравилось!

Незнакомка, которая теперь звалась Кларой, посмотрела по сторонам. Большие солнцезащитные очки скрывали половину ее лица вместе с эмоциями. Но, судя по несколько угловатым движениям, она была растеряна.

– Наверное, вы здесь по делу? – пришел на помощь новой знакомой Мишка-Нож.

– Нет... – Клара закрыла зонтик и сунула его под мышку. – Дело я уже сделала.

– Значит, вы здесь на прогулке? Так сказать, с ознакомительными целями?

– Да, я просто гуляю... – Клара будто оборвала фразу, не закончив.

– Я так понимаю, вы впервые в Развеселом квартале?

– Да, прежде я здесь не была...

– У вас есть какой-то определенный план? Или – цель?

– Цель?.. – Клара задумалась.

И думала она так долго, что Мишка-Нож решил прервать затянувшуюся паузу.

– Ну, в конце концов, можно ведь и так прогуляться. Без всякого смысла.

Клара резко вскинула голову.

– Смысл должен быть непременно, – отчеканила она, как гвоздем по наковальне.

– Ну конечно, – не стал спорить Мишка. – Без смысла – это что ж за дела такие?

– Так в чем же смысл? – спросила Клара.

У Мишки не было ответа на этот вопрос. Поэтому он решил перевести разговор в иное русло.

– Вы интересуетесь книгами? – спросил он, глядя на книжную лавку Иванова.

– Нет.

– Тогда, наверное, вы увлекаетесь искусством. Здесь неподалеку находится мастерская скульптора Безрукова. Если хотите...

– Нет.

– Театр?

– Нет.

– Музыка?

– Нет.

– Петушиные бои?

– Не сегодня.

– Тогда, может быть, по пивку?

– По пивку? Что это значит?

Мишка-Нож понял, что ухватил за хвост удачу. И главным сейчас было ее не упустить. Действовать следовало настойчиво, но аккуратно. Не забывая о таких понятиях, как деликатность и стиль.

– Ну как же, – Мишка едва не приплясывал от нетерпения. – Это, в смысле, время провести... Так, чтобы душевно... И с пользой для дела... Ну, в смысле, чтобы все по-людски, значит...

– По-людски? – быстро переспросила Клара.

– Конечно, – гордо выпятил грудь Мишка. – Что ж мы звери, что ли? У нас все по-людски. Даже ежели...

– Я хочу все по-людски! – перебила Клара.

– Прошу! – Мишка-Нож повернулся к девушке бочком и предложил ей согнутый кренделем локоть.

Поскольку Клара не решалась взять кавалера под руку, Мишка сам сделал все как надо. Но – деликатно. После чего вместе с дамой двинулся вдоль улицы, гордо поглядывая по сторо-

нам на разинувших от изумления рты обитателей Развеселого квартала. Которые отказывались верить собственным глазам. Чтобы такая краля, да с Мишкой-Ножом, да под руку!..

Быть такого не может!

Иллюзия! Морок! Обман зрения! Тотальное умопомрачение! Сеанс массового гипноза!..

Да все что угодно!..

Толкните меня! Ущипните! Врежьте по уху! Дайте как следует пинка под зад!..

Чтобы я наконец-то очнулся! Пришел в себя! Увидел мир таким, какой он есть!..

Иначе рот мой так навсегда и останется разинутым!..

Мишке до всего этого не было дела. Он был горд и счастлив. Надут и расфуфырен, как индеек в брачную пору. На него смотрел весь Развеселый квартал. И ему завидовали все!

Все!

Включая вдов и сирот. Потому что каждый мечтал оказаться на его месте. И это была тема, которая еще не один день будет обсуждаться, перемалываться и обкатываться на всех углах и перекрестках Развеселого квартала.

Само собой, Мишка делал вид, что ничего вокруг не замечает. А если и замечает, то не понимает, что это он всему причиной.

– Посмотрите направо, – рисовался он пред спутницей. – Вы видите перед собой дом, в котором родился Габриэль Гарсия. Да, да! Тот самый знаменитый Габриэль Гарсия, написавший роман «Сто дней до приказа»! Величайшую, так сказать, книгу современности, по сей день остающуюся в списках бестселлеров! Роман, переведенный на все языки Мира-На-Оси, включая клинопись хуну и узелковые письмена бибилатов. А в Бедламбесе роман был признан экстремистским, подрывающим моральные устои общества, и на том основании запрещен. Многие не в курсе, что Гарсия родился и провел свои детство и юность в Развеселом квартале. А те, кто знают, почему-то отказываются в это верить. Вы читали «Сто дней до приказа»?

– Нет.

– А другие книги Гарсии?

– Нет.

– Ну, честно признаться, я их и сам пока не читал. Но тем не менее факт остается фактом, мы с вами идем по улице, по которой когда-то ходил величайший писатель Мира-На-Оси!

– По-людски?

– Что? – не понял Мишка.

– Мы идем по-людски?

Вопрос показался Мишке несколько странным. Судя по всему, Клара была та еще штучка. Так что ожидать от нее можно было всего, чего угодно. Поэтому, ничтоже сумняшеся, Мишка-Нож брякнул:

– Конечно, по-людски... А то как же?

И в самом деле, как же еще? Вне зависимости от того, что имела в виду Клара.

– А теперь обратите свой взор направо. Видите здание с круглой крышей? Примерно сто пятьдесят лет тому назад в этом здании был открыт первый в Центральном публичный террариум. Коллекция насчитывала около трехсот видов различных гадов. Заведение пользовалось необычайной популярностью. Люди ходили туда не только затем, чтобы посмотреть, каких тварей способна создавать природа, но и просто так, отдохнуть, попить кофея, поболтать. В террариуме назначались свидания, заключались браки, справлялись юбилеи. Одно время террариум был самым модным местом для встречи нового года. Пригласительные билеты на празднование невозможно было достать ни за какие деньги, только по благу. По очень большому благу. Однако в год своего столетия террариум переехал в новое благоустроенное помещение, расположенное на территории нынешнего зоопарка. А в здании разместился квартальный участок револьверос – по сути, тот же гадюшник... Вам интересно то, что я рассказываю?

– Очень интересно, – ответила Клара, даже не взглянув на спутника. – Но я хочу по пивку. Что по-людски.

– Мы уже пришли, – улыбнулся Мишка-Нож. – Кстати, вот еще одно примечательное место! – Мишка указал на дверь, мимо которой они проходили. Самая обыкновенная дощатая дверь, на которой желтой краской был нарисован раскрытый зонт. – Знаете, что это такое?

– Нет.

– Первый общественный туалет! Можете мне не верить, но это исторический факт! Первый общественный туалет был открыт в Развеселом квартале. Произошло это всего-то восемнадцать лет тому назад. Одновременно с вводом в строй третьего кольца монорельса. Казалось бы, подумаешь, общественный туалет. Но как это изменило всю нашу жизнь! С тех пор были открыты сотни, если не тысячи общественных туалетов по всему Централю! Сегодня мы просто не можем представить себе жизнь без общественных туалетов! Даже несмотря на то, что Городской Совет сделал их платными, решив, что это станет хорошим подспорьем для городского бюджета. А чтобы деньги не разворовывались кем попало, была введена государственная должность Главного Смотрителя Общественных Туалетов Централя. Теперь Бургомистр точно знает, кто ворует деньги из общественных туалетов. И, должно быть, деньги немалые, поскольку за два года, что существует эта должность, с нее были смещены и посажены семеро Главных Смотрителей Общественных Туалетов. Говорят, ни в одной другой отрасли нет такой текучки кадров. В настоящее время двери всех общественных туалетов Централя помечены стилизованным изображением открытого зонтика. Есть много версий, объясняющих происхождение этого символа. От ернической бытовой до мистической. Но что бы ни говорили всевозможные знатоки и исследователи, дело в том, что самая первая дверь самого первого общественного туалета в Развеселом квартале была сколочена из старых ящиков, на одном из которых был нарисован раскрытый зонт. Это означало, что находившийся в ящике продукт боялся сырости... Вам это не интересно?

– Нет.

– Почему?

– Я не ворую деньги из общественных туалетов.

– Ну, я как бы тоже нет...

– Так «нет» или «как бы»?

– Ну... Собственно, мы уже пришли.

Мишка-Нож решил не скупиться и привел новую знакомую в самый дорогой и модный паб во всем Развеселом квартале. Назывался паб «Время от времени». Почему? Да кто ж это знает? Встречаются и куда более чудные названия. И не только в Развеселом квартале. Вам бы хотелось покидать кости в казино «Последняя надежда»? Или посетить стоматологическую клинику «Зуб за зуб»? А может, увидев вывеску «Народный Фронт», вы сразу догадались бы, что это пельменная, и тут же возжелали бы в ней отобедать? «Время от времени» – определенно не самое плохое название для паба. Тем более что паб действительно был очень хорош.

Это было заведение, рассчитанное на солидных, в меру респектабельных клиентов, желающих в спокойной обстановке вкусно поесть и выпить хорошего пива. Меню было в основном традиционно мясное. Пиво же – едва ли не со всех концов Мира-На-Оси. Хозяин паба сделал простой, но оказавшийся весьма удачным ход. Во время ремонтных работ в помещении он не стал прятать все коммуникации, а наоборот, выставил их напоказ, раскрасив разными цветами. Водопроводные трубы, радиаторы центрального отопления и вентиляционные короба превратились в детали изысканного и необычного дизайна. А развешанные по стенам картины пока что малоизвестного, но очень талантливого художника, скрывающегося под псевдонимом Пузырь, лишь усугубляли атмосферу потусторонности. Пузырь рисовал очень странные картины. На которых ничего невозможно было разглядеть. Но при этом действовали они на зрителей завораживающе. Пузырь уверял, что так выглядел бы наш мир, будь он трехмерным.

Посетителей было немного, и Мишка-Нож попросил посадить их с Кларой за самый дальний столик. Чтобы никто не мешал – Мишка многозначительно подмигнул распорядительнице в зале. Но та даже бровью не повела – она знала свое дело лучше, чем мог представить себе Мишка.

Мишка заказал себе и Карле по большому стейку средней прожарки, кувшин красного экваториального пива – оно было чуть крепче обычного, что в данной ситуации, как полагал Мишка, было именно то, что надо, – и стопку лепешек с мясной начинкой.

Пока мясо жарилось, Мишка разлил пиво в бокалы и завел с Кларой непринужденный разговор. Во всяком случае, так ему самому это представлялось. На самом же деле это был пространный и довольно-таки несвязанный монолог ни о чем и одновременно обо всем на свете. У всякого, кто попытался бы вникнуть в суть этой всеобъемлющей речи, похожей на реку киселя, скоро случился бы приступ паники, как у увязшей в этом самом киселе мухи. Но Клара вела себя на удивление спокойно и почти непринужденно. Она либо вообще не слушала, что говорил Мишка, либо не принимала это всерьез. В любом случае, она не пыталась понять, что именно он говорит.

Свой зонтик Клара положила на свободное кресло. Но куртку снимать не стала. И очки, как и прежде, скрывали ее глаза.

Пиво она лишь пригубила. Так что Мишка-Нож в одиночку и, надо сказать, довольно быстро приговорил кувшин экваториального. И тут же незамедлительно заказал второй.

Вообще-то, Мишка-Нож пил немного. Да и до пива был не любитель, предпочитая, если уж приходилось, более крепкие напитки. Но сегодня пиво пошло у него исключительно хорошо. Должно быть, все дело было в замечательной слушательнице. Быть может, не самая внимательная, она тем не менее не перебивала и не задавала вопросов. И, что самое главное, не оспаривала ничего, что бы ни говорил Мишка. Даже когда он нес полную околесицу, Клара с невозмутимым выражением лица лишь изредка тихонько кивала. Мишка говорил почти без остановки. Лишь время от времени он делал паузу, чтобы смочить горло. И чем чаще он это делал, тем больше хотелось ему сказать. А чем больше он говорил, тем чаще прикладывался к бокалу с пивом.

Когда принесли мясо, Мишка уже приканчивал третий кувшин. Речь его была уже довольно бессвязной, но слова он пока еще произносил вполне внятно. Есть он уже не хотел, но заказал еще кувшин пива.

– Я говорил... – Мишка опустил голову и задумался. – О чем я говорил?.. – Он посмотрел на Клару. – Ты не помнишь?..

– Помню, – спокойно ответила та.

– О чем?

– Об овощах.

– К чему бы это?..

– Ты хотел знать, не вегетарианка ли я.

Клара отрезала кусочек ароматного стейка и отправила его в рот.

– И что ты ответила?

– Нет.

– Это хорошо, – кивнул Мишка-Нож.

– Почему?

Клара отрезала еще один кусочек мяса.

Мишка-Нож задумался над вопросом. Но скоро нашел ответ.

– Так мы скорее найдем общий язык.

– Ты собираешься идти искать язык?

– Непременно!

– Чей?

– Да хоть чей!.. В конце концов, возьмем да закажем!.. Эй, дорогая! – Мишка махнул рукой официантке. – У вас есть язык?

– Заливной, – ответила та.

– Будешь заливной язык? – спросил Мишка у Клары.

– Нет.

– Язык мы не будем, – Мишка удрученно посмотрел на официантку и разочарованно развел руками. – Во такие, вишь ли, мы. Не хотим языка и все тут!..

– Что-нибудь еще? – вежливо осведомилась официантка.

– Еще?.. – Мишка-Нож наморщил лоб. – Точно! Еще пива!

Официантка бросила взгляд на уже стоявший на столе полный кувшин. Но ничего не сказала. И вскоре рядом с первым появился второй кувшин пива.

– Видишь! – гордо указал на кувшины Мишка. – Все моментом!.. Бабочкой... То есть – мухой... А знаешь, почему?..

Он наполнил бокал, частично пролив пиво на стол, и залпом выпил.

– Почему? – без особого интереса спросила Клара.

– Потому что меня здесь уважают! – Мишка вновь наполнил бокал, не забыв и стол окропить. – А знаешь, почему?

– Почему?

– Потому что я всегда исправно плачу за свою выпивку! – Мишка-Нож вытащил из кармана пригоршню мятых купюр и кинул их на стол. – Сам плачу!.. Понимаешь?.. Могу себе это позволить!.. Да! Могу!

По натуре своей Мишка-Нож не был бузотером. И голос ежели и повышал, то исключительно символически. С расчетом на театральный эффект.

Клара взяла мятую купюру в десять грандов, разгладила ее о край стола, прижала по углам пальцами и посмотрела так, будто собиралась предъявить Мишке обвинение в изготовлении фальшивых банкнот.

– Это деньги?

– А что, не похоже? – Мишка-Нож криво усмехнулся и хлебнул пива.

– Зачем?

– Что значит зачем?

– Зачем они нужны?

– Ну, даже и не знаю... – озадаченно пожал плечами Мишка-Нож. Он сообразил, что Клара собирается перевести разговор в философскую плоскость. И в принципе был не против. Вот только туман в голове мешал ему сосредоточиться и собраться с мыслями. – Вообще-то, деньги – это очень полезная штука...

– Для кого?

– Для тех, у кого они есть, разумеется.

– А что они могут?

– Все!

– Все?

– Ну почти все!

– А что они не могут?

– Кое-что.

– Например?

Мишка-Нож задумался. Определенно было что-то, чего невозможно было получить даже за все деньги мира. Ну просто не могло не быть. Нужно было только сосредоточиться и как следует это обдумать... Думать о деньгах, а не о белой обезьяне...

Мишка-Нож задумчиво взял в руку бокал и попытался сделать глоток. Бокал оказался пуст. Мишка чертыхнулся и долил в него пива.

И тут Мишку осенило.

– Деньги не могут воскресить мертвого!

– Это плохо, – качнула головой Клара.

– Ну, не знаю... – все так же задумчиво Мишка-Нож глотнул пива. – Представляешь, сколько вокруг было бы народу, если бы можно было воскрешать мертвецов? – Мишка-Нож хохотнул. – Не протолкнуться!.. А в пабе стояла бы очередь за пивом... Да, были бы проблемы... Но с другой стороны...

Мишка-Нож внезапно умолк. Потому что забыл, с чего начал. Он посмотрел на валявшиеся на столе смятые купюры. Одну банкноту Клара все еще держала прижатой к столу.

– В общем, деньги – штука нужная, – нашел что сказать Мишка-Нож. – Деньги кого хошь сделают человеком!

– Правда?

Клара взяла со стола мятую купюру в двадцать грандов и разгладила ее ребром ладони.

– Конечно! – убежденно кивнул Мишка-Нож.

– И много для этого нужно денег?

Клара быстро собрала со стола все гранды и сложила их в стопочку.

– Ну, в общем, чем больше – тем лучше... Мне так кажется.

– А у тебя еще есть?

– Полно!

Широким царственным жестом Мишка-Нож выкинул на стол небольшую пачку стограндовых купюр, скрепленную поддельно-золотым денежным зажимом с гравировкой в виде свернувшегося дракона.

– Я могу это взять? – указала на деньги Клара.

– Доставь мне удовольствие, красавица, – криво усмехнулся Мишка-Нож.

Клара взяла деньги и быстро, как кассир со стажем в добрых три десятка лет, пересчитала банкноты.

– Этого достаточно для того, чтобы стать человеком?

– Для начала – хватит, – махнув рукой, Мишка-Нож откинулся на спинку кресла.

– А потом?

– Ну, деньги – они повсюду! – Мишка-Нож взмахнул кончиками пальцев. – Нужно только уметь их находить.

– Это трудно?

– Да нет... Не думаю... Просто не у всех это получается... Точно – не у всех... Но, с другой стороны, если как следует подумать... – Мишка-Нож прижал указательный палец к середине лба. – Если бы у всех это получалось, тогда бы денег на всех не хватило!.. А?.. Точно!..

Мишка-Нож схватил кувшин и опрокинул его над бокалом. Кувшин оказался пуст.

– Вот-те!.. Нужно еще пива заказать!..

Мишка приподнялся со своего места, чтобы позвать официантку.

– Я закажу, – жестом усадила его на место Клара.

– Да?.. Ну что ж...

Мишка-Нож беспомощно всплеснул руками и уронил голову на грудь. Он готов был уснуть, но мысль о прекрасной незнакомке не позволяла ему так поступить. Он был порядочным человеком. Во всяком случае, считал себя таковым. А порядочный человек если уж привел девушку в паб, то должен был потом и проводить ее домой. Ну да, так полагалось. Так поступали все порядочные люди в Развеселом квартале.

Клара поднялась на ноги, спрятала деньги в карман и взяла под мышку зонтик.

Приподняв голову, Мишка-Нож посмотрел на нее долгим, задумчивым, ничего не понимающим взглядом.

– Зачем тебе зонтик? – поинтересовался он.

- Я всегда ношу его с собой, – ответила Клара и пошла к выходу.
 - Человек, с которым я пришла, хочет еще пива, – на ходу сказала она официантке.
- Глянула на себя в зеркало, висевшее у двери, девушка улыбнулась и вышла на улицу.

Глава 9

За занавеской находилась небольшая комнатка, тускло освещенная двумя ночниками. На левой стене горел синий рожок, на правой – красный. Создавалось впечатление, что комната разделена надвое. Это была придумка хозяина. Меняя яркость ночников, он создавал иллюзию, будто одна часть комнаты больше другой. Или – наоборот. Чисто психологический эффект, с помощью которого во время переговоров легко заставить несговорчивого клиента вдруг почувствовать себя загнанным в угол. Или – прижатым к стенке.

На синей половине комнаты стояла деревянная кадка, в которой торчал большой развесистый фикус. Под сенью фикуса, на круглой одноногой стойке сидела белая, но в свете ночника казавшаяся синей, морская свинка. Зверек сидел неподвижно, точно чучело. Но глазки его живо бегали по сторонам и усики то и дело заинтересованно вздрагивали. Очень милая свинка по имени Христофор.

На красной половине располагался открытый стеллаж, нижние полки которого были заняты папками с файлами, а верхние – сувенирами и именными подарками. В дальнем углу стоял небольшой конторский столик, за которым сидел хозяин.

Хозяин в полном смысле этого слова. Он владел не только этой двухцветной комнаткой, но и всем зданием, фасад которого, между прочим, выходил на оживленную улицу Трех Обезьян. И располагалось за этим фасадом одно из самых привлекательных для туристов заведений.

Во всем Холопене другого такого не было.

Это уж точно.

Называлось оно «Салон Оккультных Услуг Алистера Кроули».

Как и обещала вывеска, салон предоставлял посетителям полный спектр оккультных и околооккультных услуг. В соответствии с прейскурантом. Массаж и педикюр – за отдельную плату.

Когда-то в Мире-На-Оси магия была распространена почти повсеместно. Специалисты в этой области пользовались всеобщим почетом и уважением. Никому даже в голову не приходило, что ведьм и колдунов стоило бы, возможно, жечь на кострах. Однако с началом эпохи научно-технической революции интерес к магии начал падать и вскоре свалился ниже нулевой отметки. В самом деле, ну кому теперь нужны сложные, трудновоспроизводимые, малоэффективные, да к тому же порой еще и дурно пахнущие магические процедуры, когда все то же самое можно получить, просто нажав кнопку? Как сказал в своей знаменитой лауреатской речи Александр Шульман, один из изобретателей преобразователя силы Шмица-Шульмана: «Открытие гранулированного источника силы убило магию. Но никто об этом не знал до тех пор, пока мы с Генрихом Шмицем не собрали свой первый преобразователь!»

И после этого Мир-На-Оси долгое время прекрасно обходился без магии. Магия сделалась чем-то полузабытым и неимоверно скучным. Как старый дедов сундук на чердаке, покрытый слоем пыли и паутины. Каждый раз, когда он попадает на глаза, думаешь о том, что надо бы посмотреть, что там внутри, и каждый раз понимаешь, что нет ни малейшего желания этим заниматься. Ну в самом деле, что там может быть интересного?

Кроули оказался первым, кто почувствовал, что пришел момент! Он щелкнул пальцами и сказал: «Вот оно! Самое время снова предлагать потребителям магические услуги». Но уже не в виде продукта повседневного спроса, а как экзотический, очень редкий, а потому и дорогостоящий товар! Как спичечные этикетки, ныне ставшие объектами пристального внимания коллекционеров, готовых платить за эти прежде никому не нужные кусочки бумаги немалые деньги.

И идея Кроули сработала!

Туристы толпами валили в «Салон Окултнх Услуг» только ради того, чтобы взглянуть на то, как работают истинные маги и чародеи. Хотя, сказать по секрету, их-то как раз в заведении Алистера Кроули и не было. На Кроули работали отличные менеджеры и безупречные лицедеи, которые умели продать наивным туристам именно то, что те и хотели – уверенность в том, что они стали свидетелями истинного чуда. Увы, не всякий маг на такое способен.

Итак, звали хозяина Алистер Кроули. Но имя это было не настоящее. Как и всякий орк, приехавший в Централь, он взял себе псевдоним. Вполне соответствующий выбранной им области деятельности. Кроули был одним из умнейших, достойнейших и уважаемых орков. Поэтому-то все прочие орки Централя, ежели вдруг у них возникали проблемы, серьезные проблемы, а не те, что решаются после опохмела, шли за советом к Кроули.

Невысокого роста, широкоплечий и коренастый, как и все орки, Кроули основательно поработал со стилистами и модельерами, выбирая себе подходящий имидж. Длинные черные волосы он гладко зачесывал назад и слегка бриолинил. Почти никогда, даже ночью в помещении, он не снимал каплевидные солнцезащитные очки в тонкой металлической оправе. Скулы и подбородок Кроули оттеняла аккуратно подбритая трехдневная щетина. На ногах у него всегда были остроносые сапоги на высоком каблуке из змеиной кожи. Узкие черные джинсы, черная кожаная куртка на молнии и надетая под нее темная майка с оскаленным черепом и надписью «НАТЕ!!!» завершали образ владельца «Салона Окултнх Услуг». Клиенты были от него в восторге. Они видели перед собой именно то, что и хотели увидеть.

– Заходи, Мара, заходи.

Кроули достал из-под стола баллончик с ароматизатором и брызнул вверх. В комнате запахло фиалками. Морская свинка Христофор недовольно задергала усами.

Шенгенка опустила взгляд. Будто пристыженно.

– Я бы не посмела беспокоить вас, почтенный Кроули...

– Присаживайся, Мара, – спокойно, не повышая голоса, перебил ее хозяин.

Не поднимая взгляда, Мара быстро сделала шаг вперед и села на самый краешек стула, стоявшего по другую сторону стола.

– Хочешь чаю или кофе?

– Благодарю вас, почтенный Кроули...

– А кваса? Или, может быть, молока?

– Спасибо, но...

– Я так и не понял, что ты будешь пить?

Мара подняла взгляд на орка в кожаной куртке и тут же снова опустила.

– Почтенный Кроули...

Орк снял трубку стоявшего на столе телефона.

– стакан ледяного чая с лимоном и ежевикой... Как на счет мяты? – обратился он к гостье. Мара отрицательно затрясла головой. – Нет, мяты не нужно... И поживее.

Кроули положил телефонную трубку. Провел кончиками пальцев по клавиатуре вычислителя.

– Мара, как давно мы с тобой знакомы?

– Точно и не скажу, почтенный Кроули...

– Ага, – усмехнулся орк. – Имеешь в виду, что обычно так долго не живут...

В комнату вплыла высокая, статная блондинка с прямыми волосами до пояса, в серебристом, облегающем тело платье. В руках она держала небольшой круглый поднос с высоким запотевшим стаканом. Девушка молча подошла к столу, поставила стакан перед гостьей и так же молча удалилась.

Кроули снял очки и чуть подался вперед.

– Мара, мы знаем друг друга с младенчества. А ты обращаешься ко мне, как... – запнувшись, он снял очки и взмахнул ими. – Как к ратману какому-нибудь!.. Можешь ты называть меня просто Алистером?

– Почтенный Алистер...

– Просто Алистер, Мара! Алистер – и все!

– Я не смею... – едва слышно пролепетала шенгенка.

– Край мира, Мара! – в сердцах выругался орк. – Не ставь меня в глупое положение!

Прошу тебя!

– Вы такая известная личность...

– Обратная сторона додекаэдра! – всплеснул руками Кроули. – Все дело в том, что я управляю этим салоном, а твой непутевый муженек работает уборщиком в Желтом Доме? Так, что он, что я – оба бездельников обслуживаем!

– Если бы не ваша протекция...

– Ах, ты чувствуешь себя в долгу передо мной из-за того, что я вас туда устроил?

Шенгенка коротко кивнула.

– Забудь, Мара! – Кроули звучно постучал пальцем по краю стола. – Мы, шенгенцы, должны везде и всюду друг другу помогать! Мы все тут, в Центrale, можно сказать, одна семья! Ну, за исключением нескольких отморозков, за поимку которых револьверос награду объявили. И если ты по-прежнему будешь называть меня почтенным Кроули... Ты слышишь меня, Мара?

– Да, – едва слышно пролепетала шенгенка.

– Ну так подними голову! Посмотри на меня! – Кроули картинно, но не рисуясь, раскинул руки в стороны. – Я обычный парень! Такой же, как все!.. Давай, давай, Мара! А то мы только попусту время теряем!

Шенгенка осторожно приподняла голову. В душе у нее боролось столько противоречивых чувств, что она не знала, какому из них отдать предпочтение. Собственно, только в этом была причина ее растерянности.

– Выпей чаю, Мара! – Кроули указал пальцем на стакан, вокруг которого уже начал растекаться кружок воды. – Я же знаю, ты любишь ледяной чай. А у нас его отменно готовят.

Шенгенка послушно взяла стакан и сделала из него глоток.

– Ну вот, – улыбнулся, глядя на нее, хозяин. – Совсем другое дело! Это наш фирменный оккультный чай. Называется «Сым-Ту». Название я сам придумал.

– А что это значит? – Мара сделала еще глоток.

Напиток и в самом деле был замечательный.

– Понятия не имею! – развел руками Кроули. – Но посетителям нравится! Хотя и стоит он у нас в полтора раза дороже, чем в эльфийской лавке напротив. Но ведь у нас чай оккультный, – Кроули хитро подмигнул госте. – Способствует проникновению в Седьмую Сферу... А от этих эльфов вообще спасу нет! Подобрали под себя чуть ли не все предприятия общественного питания! Да и ладно бы, если бы кормили нормально! А то ведь они – ты только представь, Мара! – даже сардельки норовят вегетарианскими сделать!

Шенгенка хихикнула, прикрыв рот ладошкой.

– Ну вот! – довольно улыбнулся Кроули. – Наконец-то я тебя узнаю. Я бы тебя в трактир пригласил. Тут, неподалеку, есть неплохой. Эти остроухие до него еще не добрались. Держит трактир один мужичок из Байтостана. Рыбу на углях готовит – объеденье! – Орк чмокнул сложенные вместе кончики пальцев и с тоской посмотрел на Мару. – Так ведь ты же все равно не пойдешь?

– Я хотела домой засветло вернуться, – извиняясь улыбнулась шенгенка.

Кроули глянул на часы.

– Уже не успеешь. Ну да не беда, я вызову для тебя такси.

– Нет! – протестующе вскинула руку Мара.

– Да, – спокойно возразил Кроули. – Я не принимаю отказа. В противном случае я вообще отказываюсь о чем-либо с тобой говорить. Подумай сама. Ты ставишь меня в крайне глупое положение.

– Я...

– Пей чай, Мара.

Шенгенка послушно припала губами к стакану.

– И не переживай по пустякам, – Кроули улыбнулся. – Все будет хорошо, Мара. Раз уж ты ко мне пришла – я тебе это обещаю.

– Ох, не знаю. – Мара с озабоченным видом покачала головой и поставила на стол пустой стакан.

После чая ей и в самом деле сделалось лучше. Сердце в груди перестало колотиться как сумасшедшее. Мысли в голове уже не путались. Язык не прилипал к сухому небу. Она почувствовала себя спокойнее и увереннее. Самую малость. Но и это уже было неплохо.

– Так что у тебя стряслось?

Кроули надел очки. Так ему было удобнее говорить о деле.

Сидя в кабине грузовичка гнома Визеля, Мара всю дорогу думала, как лучше начать этот мучительный, крайне неловкий для нее разговор?

– Боюсь, у меня проблема... – Это было лучшее из того, что пришло ей в голову.

Глава 10

За ужином Гиньоль просмотрел документы, что, шмыгая носом, вручила ему Мадлона. Два благодарственных письма от бывших клиентов. Приглашение прочитать лекцию в Обществе пробуждения бобров; тема выступления – на усмотрение лектора. И короткие, но, как всегда, емкие справки, составленные самой Мадлоной по просьбе Гиньоля, позвонившего ей из Академии. Гиньоля интересовали следующие вопросы: основополагающие принципы теории суперструн, идея элегантной вселенной, биография Джерри Ли Льюиса, угроза инопланетного вторжения и библиография отечественной фантастики. Причину своей внеплановой депрессии девушка объяснить не смогла. Должно быть, вчера вечером посмотрела фильм с плохим концом, решил Гиньоль. Обычно так всегда и случалось.

Отужинав, Гиньоль прихватил заметки Мадлоны и поднялся на второй этаж, в комнату Франтишека.

Франтишек Йи сидел в сделанном на заказ кресле, занимавшем полкомнаты, и задумчиво глядел в потолок. По животу его бегали волнистые попугайчики – Му, Ма и Титикака, – собирая оставшиеся после ужина крошки.

– Как дела, Франц?

Гиньоль вытянул из-под стола табурет с круглым вращающимся сиденьем и устроился на нем.

Франтишек скосил левый глаз на приятеля.

– Что в Академии?

– Серьезная проблема.

– Насколько серьезная?

– Настолько, что я взялся за ее решение.

– Да неужели? – Франтишек повернул голову и посмотрел на Гиньоля двумя глазами. – Излагай!

– Сегодня поутру два студента, поднявшись на вершину Лысой горы, обнаружили там рояль.

Франтишек приподнял кисть левой руки и направил на Гиньоля толстый, как сарделька, указательный палец.

– Которого там не должно быть!

– Точно, – кивнул Гиньоль.

– Но рояль – это еще не проблема.

– Если это обычный рояль. Но если на нем имеется золоченая табличка, извещающая, что сей рояль преподнесен в дар Городскому Совету Централя не кем-нибудь, а самим Джерри Ли Льюисом, то это уже проблема.

Франтишек вытянул из-за подлокотника специальную палочку с загнутым концом и принялся чесать ею между лопаток.

– Так-так-так-так-так! – быстро, возбужденно зашелкал он языком. – Концерт Джерри Ли Льюиса на Лысой горе, как я понимаю, не планировался!

– Ты, как всегда, проницателен, – согласился Гиньоль.

– Что же мешает Ректору просто спустить рояль с горы?

– То, что рояль является собственностью Городского Совета.

– И что с того? Ректор ведь, как я понимаю, никак не связан с этой историей?.. Или?..

– Нет-нет, Ректор заверил меня, что понятия не имеет, каким образом рояль оказался на горе. И я склонен ему верить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.